

Стиль и лексика переперевода церковных песнопений в Финской Православной Церкви: гимны Литургии Иоанна Златоуста

Nina Arvolahti

Tampereen yliopisto

Kieli-, käännös- ja kirjallisuustieteiden yksikkö

Monikielisen viestinnän ja käännöstieteen maisteriopinnot, Venäjän
kääntämisen ja tulkkauksen opintosuunta

Pro gradu –tutkielma

Joulukuu 2016

Tampereen yliopisto

Kieli-, käännös- ja kirjallisuustieteiden yksikkö

Monikielisen viestinnän ja käännöstieteen maisteriopinnot, Venäjän kääntämisen ja tulkkauksen opintosuunta

[Arvolahti, Nina: Johannes Krysostomoksen liturgian veisujen uuden käännöksen tyyli ja sanasto]

Pro gradu -tutkielma, 62 sivua, suomenkielinen lyhennelmä 11 s.

[Joulukuu 2016]

Tiivistelmä

Tässä työssä käsitellään Johannes Krysostomoksen liturgian veisujen uudelleen kääntämistä. Kyseinen tutkimus on jatkoa kaksi vuotta sitten valmistuneelle kandidaattityölle, jossa vertailtiin Valitusvirsiä uutta käännöstä muun muassa sen runollisuuden ja sanatarkkuuden osalta.

Tutkimuksessa keskitytään analysoimaan viimeisen käännöskomitean suosimaa käännöstapaa: varsinkin funktionaalisen metodin vaikutusta veisujen uuteen käännösversioon. Oletetaan, että viimeisen käännöstyön kotouttamisaste on huomattava. Toisena päätehtävänä on niin sanotun Retranslation theoryn (2004) todeksi havaitseminen korpuksen tutkimusaineistoa käyttäen.

Uudelleenkääntämisen tutkiminen on nykyään hyvin suosittua. Teoriaosuudessa mainitaan kahta aihealuetta saman tyyppistä tutkimusta, hollantilaisen Eva Lezyn sekä suomalaisen Irmeli Helinin tutkimukset, joissa keskeisenä on käännösmuunnelmien laadun tutkiminen. Tutkimustyön loppuun liitetty korpusaineisto on viidestä erikellisestä tekstistä koostuva kospuskokonaisuus, johon kirkkoslaavilla ja venäjän kielellä (2009) kirjoitettujen tekstien ohella kuuluvat kolme suomennosta vuosilta 1910, 1955 ja 2011.

Analyysissa keskitytään pohtimaan sekä leksikaalisia että tyylillisiä muutoksia viimeisissä suomenkielisissä teksteissä vertailuanalyysin periaatteita käyttäen. Analyysin päämääränä on leksemeihin kohdistuvien transformaatioiden luokittelu. Tällöin käytetään sekä kvalitatiivisen tutkimustyön menettelytapoja, erityisesti erilaisten sanaluokkien lekseemien muunnosten laadun luokittelussa, että kvantitatiivista otetta, kun siirrytään tutkimaan eri käännöstekstien tyylimominaisuuksissa havaittavia lainalaisuuksia.

Yleisesti ottaen, viimeisten käännöskomiteoiden tekstikorjaustyö oli huomattava vanhan sanaston sekä lainasanoja kohtaan eri kielitasoilla, fonetiikassa, semantiikassa myös sananmuodostuksessa. Toisaalta tyyliin kohdistuva muokkaus oli varsinkin viimeisessä suomennoksessa selkeästi havaittavissa. Ilmiselvin tämän tyyppinen kotouttaminen esiintyy suhteessa kirkon sakraalitekstin perinteisiin ominaispiirteisiin, kuten ns. KAI-tyyliin sekä sakraalisubstantiivien, -objektiivien ja -pronominien oikeinkirjoitukseen.

Avainsanat: Johannes Krysostomos, liturgia, kirkkoveisu, uudelleenkääntäminen, vieraannuttaminen, kotouttaminen.

Оглавление

<i>Pyhän Johannes Krysostomoksen rukous. Fragmentti</i>	1
1. Введение.....	1
1.1. Вопрос исследования	1
1.2 Методология.....	3
1.3 Структура работы и корпуса текстов	6
2. Аспекты литургики и церковного пения.....	9
2.1. Православная Литургия как сердцевина внутрицерковной жизни	9
2.1.1. Определение и типы Литургии	9
2.1.2 Литургический стиль Византии и России	10
2.2. Церковное пение как неотъемлемая часть богослужебного канона	11
2.2.1. У истоков церковной музыки.....	11
2.2.2. Святой Иоанн Златоуст	12
2.2.3. Русская певческая традиция.....	13
2.2.4. Традиция церковного пения в Финляндии: вчера и сегодня	14
3. Искусство перевода: обзор научной литературы.....	17
3.1 Переводческие приёмы: доместикация, форенизация и стратегия ”золотой середины”. ..	17
3.2. (Пере)перевод как явление	19
3.3 О стиле перепереводов.....	21
3.4 Эквивалентность и адекватность при переводе	22
3.5 Особенности перевода сакральных текстов.....	23
4. Конкретные вопросы переперевода	26
4.1 Вопросы заимствованной и устаревшей лексики	26
4.2 Преобразования в грамматике и лексике финского языка	29
4.3 Вопрос лексики и стиля глазами церковных переводчиков.....	31
5. Результаты сравнительного анализа	33

5.1 Общие данные текстов: Количество и Retranslation theory	33
5.2 Стилъ и орфография.....	34
5.3 Заимствованная лексика	38
5.4 Устаревшая лексика	40
5.5 KAI-стилъ.....	50
5.6 Имена собственные и нарицательные: соотношения в переводах.....	53
6. Выводы.....	57
7. Библиография.....	62
8. Lühennelmä	64

**” Вечери Твоей таинственной участником в сей день, Сын Божий, меня прими.
Ибо не поведаю я тайны врагам Твоим, не дам Тебе поцелуя, такого, как Иуда.
Но как разбойник исповедаю Тебя: ”Помяни меня, Господи, в Царстве Твоём!”**

Молитва святого Иоанна Златоустаго. Фрагмент

**”Sinun salaisen Ehtoolliseksi osalliseksi ota minua nyt, Jumalan Poika,
sillä en minä ilmoita salaisuutta vihollisillesi, enkä suutele Sinua niin kuin Juudas,
mutta niin kuin ryöväri tunnustan Sinua: muista minua, Herra, sinun valtakunnassasi.”**

Pyhän Johannes Krysostomoksen rukous. Fragmentti

1. Введение

1.1. Вопрос исследования

В своей дипломной работе я хотела бы продолжить уже затронутую мною тему перевода канонических христианских текстов на финский язык. На этот раз я исследую перевод церковных песнопений, используемых в православном богослужении в Финляндии.

В теоретической части работы я продолжу рассмотрение проблемы *принципа перевода*, а именно попытаюсь проанализировать какой из традиций отдала предпочтение новая комиссия по переводу церковных песнопений; или же перевод происходил путем комбинирования обоих подходов. Таким образом, основной вопрос можно выразить следующим образом: можно ли с уверенностью заключить, что традиционный формальный подход в отношении сакральных текстов постепенно сменяется на функциональный прием?

Все же, до сих пор, стремление к т.н. формальному переводу приветствуется многими как российскими, так и западными учёными-библеистами. Многие из них обращают внимание на неординарность сакральных текстов, например, в отношении лексики и грамматики. Иными словами, перефразирование в каких-то случаях оправданно, но в иных окажется грубой ошибкой.

Проблемы перевода библейских текстов в формальном или же функциональном ключе я касалась отчасти в предыдущей работе, посвященной книге Ветхого Завета «Плач Иеремии». В результате исследования была подтверждено мнение о том, что современные финские переводчики в своей работе стремятся использовать и стратегию ”доместикации”.

Далее, для большей ясности, будут представлены определения таких ключевых терминов переводоведения как "форенизация" и "доместикация". Оба этих термина начинают активно вводиться в употребление такими исследователями перевода, как, например, американцем Лоуренсом Вентути (Lawrence Venuti). На данный момент к такой терминологии прибегают очень многие исследователи, когда апеллируют к подобного рода явлениям. Финская исследовательница из Университета города Турку в своей статье, посвящённой этим двум понятиям, отмечает, что в привычном смысле "доместикация отождествляется с адаптацией ввиду культурного контекста или использованием специфических культурных терминов" в то время как "форенизация ассоциируется с сохранением оригинального культурного контекста...". (Paloposki, 2010: перевод автора).

В связи с вышеизложенным я и задаюсь целью выяснить, характерно ли «одомашнивание» текстов церковных песнопений (*kirkkoveisut*) и в лоне православной церкви в Финляндии.

В отношении теории перевода некоторое время назад была выдвинута интересная теория, рассматривающая закономерности литературного переперевода или *Retranslation theory*, которую поддерживают и финские исследователи, например уже упоминаемая Оути Палопоски и её коллега Кайса Коскинен (Paloposki, Koskinen. 2004). Вкратце, согласно основному тезису повторный перевод литературного произведения предполагает "форенизацию" текста перевода по сравнению с первым аналогом.

В данном исследовании будет приниматься во внимание данное предположение на разных этапах анализа и, по возможности, производить те или иные заключения в отношении их подтверждаемости данными нашего исследования. Интересующие нас аспекты можно изложить и следующим образом:

- 1) стилевые особенности текстов переводов;
- 2) их лексические особенности;
- 3) сопоставимость переводов с их текстом-донором;
- 4) подтверждение т.н. *Retranslation theory*;
- 5) степень "одомашнивания" последнего финского перевода.

Эти элементы переводов я постараюсь проанализировать в ходе исследования. Мы, конечно же, понимаем, что и наши знания в данной области весьма ограничены, а также используемые методы не всегда могут полностью соответствовать поставленным задачам. Всё же некоторые

закономерности, как мы считаем, возможно пронаблюдать и на столь небольшом, но всё же, в силу своей востребованности, важном материале.

Интерес к данной теме был вызван и работой финской исследовательницы из университета города Турку Ирмели Хелин под названием "Интерференция и трансференция в старых переводах церковных песнопений" (Helin I., *Interferenssi ja transferenssi vanhoissa virsikäännöksissä*, 2012). Она исследовала переводы гимнографии Лютеранской Церкви и обнаружила преобразования устаревшей (церковной) лексики, по-видимому, прежде всего в отношении глагольных форм. Отчасти поэтому в данном исследовании предпринята попытка характеризовать те лексические и стилевые видоизменения, которые претерпевает православная гимнография вследствие нового перевода литургии Иоанна Златоуста на финский язык (2011).

О степени форенизации или доместикации текстов обнаруживается довольно скудная информация, потому как, очевидно, данный вопрос с исследовательских позиций пока не был широко освещён. Всё же существует расхожее мнение о высокой степени форенизации более ранних финских православных гимнографических текстов, первоисточником которых служил церковнославянский текст (этот аспект подробнее изложен в теоретической части работы). По этой причине основной из задач данного исследования будет подтверждение данной гипотезы, которая, таким образом, противоречит упомянутой ранее теории повторного перевода.

1.2 Методология

На данном этапе необходимо описать те методологические, и, в некотором роде, философские основы, на которых, будет, прежде всего, построено то исследование, которое будет предложено для ознакомления в практической части этой работы.

Основным принципом анализа текстов корпуса будет их сравнительный анализ содержательного свойства. Таким образом, в отношении лексики текстов, главной задачей является выявление текстовых расхождений в перепереводах, а также рассмотрения отдельных видоизменений в последних финских переводах и классификация их. По-видимому, при классификации языковых единиц наилучшим методом является качественный метод.

В своей книге *Введение в качественный анализ* исследователи Й. Эскола и Й. Салоранта отмечают, что "в наиболее упрощённом смысле, "качественность" понимается просто как описание формы исследуемого материала". По мнению исследователей, качественный принцип анализа часто противопоставляют количественному, определяя первый как более субъективный подход, опирающийся на индукцию и феноменологию. Эскола и Салоранта находят такое противопоставление методов нерелевантным. (Eskola, Saloranta, 1998).

В нашем случае основное внимание будет уделено заимствованной и устаревшей лексике, встречающейся в основном тексте и её компенсации, а также возможному редуцированию в перепереводах. Таким образом, несмотря на произведённую квалификацию, в данной работе будут часто рассматриваться те или иные отдельные феномены, например, понятийные. Это и представляется нам качественным аспектом данной работы.

Всё же, исследуя стиль оригинального текста и его перепереводов нам, прежде всего, будет необходимо использовать принципы количественности. Выявление определённых закономерностей в тексте и их значимости невозможно без констатации их (численного) наличия в том или ином тексте.

В своей книге *Изучай и измеряй: основы количественного исследования* исследовательница Х. Вилкка определяет количественный приём как "метод, который даёт общее представление о соотношении переменных (muuttuja) и степени их отличий". Она заключает, что в ходе количественного анализа "исследователь на основе своего материала получает числовые данные, группируя и преобразовывая качественный исследовательский материал в числовую форму". (Vilkka, 2007).

Именно вышеуказанный приём будет применяться к исследованию таких стилистических особенностей текстов, как характер использования знаков препинания, элемент прописи при написании имён собственных и нарицательных или т.н. КАИ-стиль. Впрочем, следует отметить, что оба метода в тех или иных аспектах исследования будут, прежде всего, взаимодополнять друг друга.

Исследования перепереводов, на сегодняшний день, имеет, наверное, общемировой характер, потому сама концепция исследования текстов не нова сама по себе. В качестве примера, приведём работу нидерландской исследовательницы Евы Лези (Eva Lezy) "*Лексические различия между первым переводом и перепереводом десяти рассказов Антона Чехова*", которая, для выявления лексических особенностей переперевода, разбивает текст на фрагменты или "transeemes". Лези ссылается на работу нидерландской исследовательницы К. ван Лёвен-Зварт (1989), которая первой произвела такие трансформации с текстами для удобства их исследования. Ван Лёвен-Зварт определяет такие фрагменты как "a comprehensible textual unit", т.е. "понятной для восприятия единицей текста". Лези отмечает, что расщепление на параллельные смысловые фрагменты художественного текста не было элементарным заданием в силу разницы языковых систем. (Е. Лези, *Лексические различия между первым переводом и перепереводом десяти рассказов Антона Чехова*, 2015, с. 15-17).

Со своей стороны, следует отметить, что деление нашего корпуса текстов на фрагменты не было столь сложным процессом в силу известного стремления к текстовому постоянству, что особенно отличает сакральные тексты Священного Писания. В общем, наш текстовый корпус включает в себя 86 таких фрагментов. В полном составе корпус данной работы расположен в ресурсе текстовых корпусов университета Тампере "Mustikka" .

Далее следует упомянуть те справочные материалы, которые были использованы нами в ходе аналитической части работы. В основном, это были следующие словари: *Библейский словарь Э. Нюстрема (1980)*, *Большой русско-финский словарь/Venäläis-suomalainen suursanakirja (1972)*, *Финско-русский словарь И. Вахроса (1995)*, я также ознакомилась с *Кратким финно-русским словарём церковных терминов/Ortodoksinen suomi-venäjä-suomi sanasto (2013) А. Платонова*. Кроме бумажных справочных материалов нам необходимо было многократно обращаться и к различным интернет-источникам, в которых представлены, например, параллельные тексты Библии. Элементы финской лексики и церковной традиции мы уточняли, используя корпус финских переводов Священного Писания *finbible.fi*.

Текст Литургии на церковнославянском и русском языках был взят с портала *azbuka.ru*, на котором размещаются, в том числе, многочисленные церковные тексты в свободном доступе.

Для сопоставления финских переводов в данной работе был использован бумажный материал, но версии текстов также представлены в свободном доступе в Интернете как на портале Финской Православной Церкви (www.ort.fi) так на сайте православных гимнографических текстов (www.ecmr.fi).

1.3 Структура работы и корпуса текстов

Данное исследование состоит из теоретической части, которая включает в себя расширенное введение и три теоретических главы, освещающих как исторические предпосылки исследуемого феномена так и современные переводческие тенденции, а кроме этого необходимые в ходе практического исследования вопросы лексических заимствований и архаичной лексики. Анализ корпуса текстов описывается в обширной пятой главе, после которой следуют выводы, произведённые на его основе.

Основным материалом анализа станет собранный мною корпус текстов песнопений *Божественной Литургии*, в данном случае *святого Иоанна Златоуста*, который будет включать в себя "оригинальный" текст на церковнославянском языке (условно 1876-го года) и русский аналог (2009), а также три варианта финских переводов: 1910, 1955 и 2011 годов. Другими словами, корпус представляет собой собрание *псалмов, гимнов и молитв*, предназначенных для пения во время Божественной Литургии (воскресного богослужения) членами Православной Церкви. Следует оговориться, что корпус не содержит всего текстового ресурса, используемого в данном случае, а лишь некоторые основные песнопения, хорошо знакомые членам Церкви.

Церковнославянский текст в "осовремененном" виде, который подразумевает запись текста т.н. *гражданским стилем*, и его перевод на русский язык в свободном доступе представлены на портале *azbuka.ru* в разделе "*Православное Богослужение: Переводы Богослужебных книг*".

Тексты финских переводов были копируемы непосредственно из бумажных собраний текстов, которые предполагаются для использования во время Литургии в алтаре священнослужителями или на клиросе: практики пения за сто лет претерпели некоторые

видоизменения. По-видимому, это и стало причиной того, что определённый текст иногда, хотя в редких случаях, не располагал всем перечнем искомых песнопений. Таким образом, дополнение переводов параллельными текстами того же периода было необходимо. Итак, финские тексты корпуса сгруппированы следующим образом:

а. Перевод 1910 года был проверен текстом 1913 года. Первый содержит две текстовые добавки: концовка девятого (9) песнопения ("Молитва перед Причастием"/"Ehtoollislauselma") и одиннадцатое (11) песнопение ("Тело Христово приимите"/"Ottakaa vastaan").

б. Перевод 1955 года был дополнен в отношении "Молитвы святого Иоанна Златоустого" ("Pyhän Johannes Kultasuun rukous") текстом 1943 года.

в. Перевод 2011 года был сверен с текстом 2010 года.

Далее, опишем кратко сам характер песнопений корпуса. Как было указано выше, в их основе лежат *псалмы царя Давида, древние христианские гимны* или же *молитвы*, читаемые всеми верующими. Вот их перечень:

1. *"Первый изобразительный антифон"/" Ensimmäinen antifoni"* - в основе лежит 103-й псалом царя Давида, входящий в состав книги Псалтирь канона Ветхого Завета.
2. *"Второй изобразительный антифон"/"Toinen antifoni"* – 146-й псалом той же книги.
3. *"Песнь Господу Иисусу Христу"/"Jumalan Ainokainen"* – гимн, написанный византийским императором Юстинианом около 536-го года. (ru.wikipedia.org/wiki/Единородный_Сыне).
4. *"Третий изобразительный антифон"/"Kolmas antifoni"* или *"Autuudet"* – основой т.н. "Нагорная проповедь", представленная евангелистом Матфеем в 5-й главе.
5. *"Херувимская песнь"/"Kerubiveisu"* – красочное песнопение, описывающее, как бы невидимые, действия Ангелов за Литургией.
6. *"Символ Веры"/"Uskontunnistus"* – или Никео-Цареградский Символ Веры, это текст т.н. догматической формулы Православной Церкви, принятая в 381-м году. (ru.wikipedia.org/wiki/Никео-Цареградский_Символ_веры).
7. *"Евхаристия"/"Eukaristia"* – гимн Пресвятой Троице, собранный из нескольких священных текстов.

8. *"Достойно есть"/ "Totisesti on kohtuullista"* - молитва Пресвятой Богородице, написанная византийским церковным поэтом Космой Маюмским в восьмом веке. (ru.wikipedia.org/wiki/Косма_Маюмский).
9. *"Молитвы Господня и перед Причастием"/ "Herran rukous, ehtoollisrukous ja -lauselma"* – это собрание нескольких молитв, текст первой соответствует т.н. "Молитве Господней", указанной в Евангелии от Матфея в 6-й главе.
10. *"Молитва святого Иоанна Златоуста"/ "Pyhän Johannes Kultasuun rukous"*- молитва, предназначенная для общего чтения верующими перед Таинством Евхаристии.
11. *"Тело Христово приимите"/ "Ottakaa vastaan"* – гимн, поющийся во время Таинства Евхаристии.
12. *"Воскресные песнопения"/ "Suunnuntaiveisut"* – т.н. благодарственные молитвы (*kiitosrukoukset*) по окончании Богослужения.

После перечисления состава корпуса необходимо добавить, что нахождение соответствий между русским и финским языками в отношении заглавия того или иного песнопения несколько раз был затруднительным. Такое обнаружилось при сопоставлении заглавий девятой (*"Молитвы Господня и перед Причастием"*), десятой (*"Молитва святого Иоанна Златоуста"*) и двенадцатой (*"Воскресные песнопения"*) частями корпуса текстов: эквиваленты в финских источниках несколько разнились. По этой причине, в этих случаях, мною был произведён прямой перевод с русского варианта.

2. Аспекты литургики и церковного пения

2.1. Православная Литургия как сердцевина внутрицерковной жизни

В данной главе я представлю к рассмотрению такие обширные темы как история формирования богослужебного пения и Литургии, в частности. Сначала мы совершим краткий экскурс в историю, обозначая основные вехи ветхозаветной и новозаветной традиций. После этого, разумеется, основное внимание будет уделено особенностям византийского пения и его влияния на русские певческие мотивы. История развития богослужебного пения в Финляндии будет освещена в заключении.

2.1.1. Определение и типы Литургии

Источники, с которыми мы ознакомились в связи с заданной темой, свидетельствуют о Божественной Литургии как наиважнейшем священнодействии Церкви, в центре которого стоит совершение «таинства таинств» или святой Евхаристии, т.е. Причастия Христовых Таин. Само термин "литургия" в переводе с греческого языка обозначает "общее дело", а "Евхаристия" - "благодарение". Итак, сама Литургия как бы обрамляет таинство Причастия, и первого без второго в церковной практике не может быть. (Керн К., 1949).

Итак, конкретное и символическое значение Евхаристии и её обрамляющей Литургии настолько велико, что описание этого явно выходит за пределы моего, всё же не настолько глубоко экзегетического, исследования. Потому возвращаюсь к историческому описанию и разновидностям литургического чина, руководствуясь, опять же, текстами К Керна.

Конечно же при неизменности благоговейного отношения верующих к Евхаристическому таинству, сама служба, предшествующая ему, по заключению многих исследователей, постепенно развивалась, приобретая и дополнения, и обновления. Несмотря на это, существуют сведения о том, что описание самого чина, более краткое или более развёрнутое, присутствует во многих письменных памятниках христианской античности. Это мнение подтверждает и церковный историк архимандрит Керн. По его словам, "единая по существу и замыслу, идущая от Единого Основателя, Вечного Архиерея Христа и из той же "горницы святого и славного Сиона", анафора (литургия, прим. авт.) знает в своем прошлом немало дополнений и сокращений". (К.Керн, 1947).

Одной из наиважнейших причин некоторому литургическому разнообразию, по мнению автора, явились местные или национальные обычаи, которые впоследствии стали традиционными нормами. Керн, вторя и иным исследователям, констатирует, что на Востоке восприимчивость к такому местному «колориту» была довольно велика, Запад же особенно стремился к «чистоте» первоначальных форм. Как правило, и русские и западные учёные говорят о богослужениях двух типов т.н. *западных* (Римское, Галльское, Испано-готское, Кельтское и др.) и *восточных* (Сирийское, Египетское, Персидское, Византийское). (Керн, 1947).

Итак, на основе вышеприведённых схем, мы можем, в некоторой мере, представить то многообразие литургической практики, которое существовало в Церкви уже в период её «юности». Исходя из темы данной исследовательской работы нас интересуют подробности развития именно *византийского типа* литургий, которые исконно были приняты за образцовые и в русском, а в последствии и в финском, обиходах.

2.1.2 Литургический стиль Византии и России

Как было уже сказано выше, развитие чинопоследования было постепенным, и, например, в Византийской Империи, центре всего христианского востока, сформировалась та литургическая последовательность, которую принимают и на Руси в момент её крещения.

Самыми известными литургиями византийского типа, являются :

- *литургия святого Василия Великого* (ок.330-379) (фин. ”Pyhän isämme Basileios Suuren jumalallinen liturgia”) ;
- *литургия святого Иоанна Златоуста* (ок.347-407) (фин. ”Pyhän isämme Johannes Krysostomoksen jumalallinen liturgia”), которую также называют *константинопольской*. Последняя из них со временем приобрела статус господствующей: он сохраняется и до сегодняшнего дня. Литургию Василия Великого служат гораздо реже: всего десять раз в год. Именно эти два вида ”вытеснили” из богослужебной практики такие древнехристианские литургии как *иерусалимскую литургию св. апостола Иакова* и *литургию св. апостола Марка*: их служат один раз в год, в день памяти святого. (Sidoroff, 1982, с. 218-19: перевод автора).

Теперь перейдём к общему описанию службы. В уже цитируемой мною статье финского церковного обозревателя Матти Сидорова под названием ” Церковные требы ” представлено описание Литургии любого типа как трёхсоставной совокупности. Чинопоследование состоит из *проскомидии* (proskomidi), т.н. *литургии оглашенных* (opetettavien liturgia) и *литургии верных* (uskovaisten/opetettavien liturgia). Также вне зависимости от типа, литургия содержит в себе шесть обязательных элементов: *собрание* (kokoontuminen), *литургию Слова* (Sanan liturgia), *просфору* или (uhrin esiinkanto), *анафору или жертву благодарения* (kiitosuhri), *участие в Причастии* (ehtoolliseen osallistuminen) - как сердцевину всего чинопоследования: и т.н. *возвращение в мир* (paluu maailmaan) (Sidoroff, 1982, с. 221-22: перевод автора). В таком виде богослужение совершается как в современной России, так и Финляндии.

2.2. Церковное пение как неотъемлемая часть богослужебного канона

Данная глава будет посвящена некоторым основным аспектам церковной музыки. По нашему мнению, было бы серьёзным упущением оставить эту тему неразобранной, хотя бы в некоторой мере. От этого пострадали бы лаконичность и целостность нашей работы, и, к тому же, возможность читателя лучше проникнуть в ту среду, из недр которой литургическое богослужение было возвращено.

2.2.1. У истоков церковной музыки

Русский музыковед и философ Владимир Мартынов в своей книге ”История богослужебного пения” (1994) обращает внимание читателя на то, что образование системы богослужебного пения было конечно же многоступенчатым процессом, формировавшимся несколько столетий: манеры пения различных поместных церквей, имели свои ”национальные особенности”. Несмотря на это, по мнению философа, сутью всей системы богослужебного пения Православной Церкви было ”преображение всего этого разнородного земного пения в единый и истинный образ пения небесного”. (Мартынов, 1994).

Как известно, отличительной особенностью христиан было также использование потенциала только собственного голоса, использование иных инструментов не практиковалось – и это

впоследствии станет правилом для всей Церкви. Понятно, что усложнение и многообразность системы пения развивается с развитием самой структуры литургии.

По словам исследователя Мартынова, вначале главенствующим принципом пения было т.н. *ипофонное пение*, при котором "участники пения подпевают самому опытному певцу: они повторяют или всю мелодическую строфу или только её окончание (например, «Аллилуйя», «Яко с нами Бог»)". (В.Мартынов, 1994). Исследователь также отмечает широкое применение т.н. *антифонного* или попеременного пения, которое "распространилось под влиянием святителя Игнатия Богоносца (49-107)". Третьим принципом, особенно отображающим соборность Церкви, было т.н. *симфонное* или согласное пение: им пелась прежде всего молитва Господня «Отче наш». Основная работа церковных деятелей в первый период, по мнению философа, направлена на поиск единой стройной певческой системы, которая позволила бы объединить разные манеры пения в "мелодическую структуру нового типа". (В.Мартынов, 1994, с 35-42).

Результатом этих упорных и плодотворных усилий становятся многочисленные типы гимнов, такие как тропари (tropari), кондаки (kondaakki), акафисты (akatistos) и каноны (kanoni); кроме того, создаётся базисный труд церковного пения, т.н. октоих или восьмигласник (oktoehos/kahdeksansävelmistö). (Arkipiispa Paavali, 1982).

Использование вышеперечисленных песенных основ, в том или ином виде, присутствует в любых поместных православных церквях, в том числе и Финляндии.

2.2.2. Святой Иоанн Златоуст

Иоанн Златоуст (Johannes Krysostomos), чьё имя носит сама литургия, считается одним из главных т.н. Отцов Церкви (Kirkon Isät) и почитается святым как в Православной, так и в Католической Церквях. Исследователи предполагают, что в самом чине литургии Златоусту принадлежат только несколько молитв. Одна из них, Молитва святого Иоанна Златоуста, числится десятой в нашем корпусе текстов. Ниже я представлю несколько кратких сведений из его биографии.

Святой Иоанн Златоуст родился в Антиохии приблизительно в 347 году у благочестивых родителей, армейского чиновника Секунда и его жены Анфусы. Молодой Иоанн получил

прекрасное светское классическое образование. В возрасте восемнадцати лет он принял Святое Крещение, после чего он долго пребывал в монашеском уединении. В сан священнослужителя Иоанн Златоуст был рукоположен в 386-м году, а епископом он стал в возрасте 51-го года. (Synaksarion:marraskuu, 2004, s. 192-193; перевод автора).

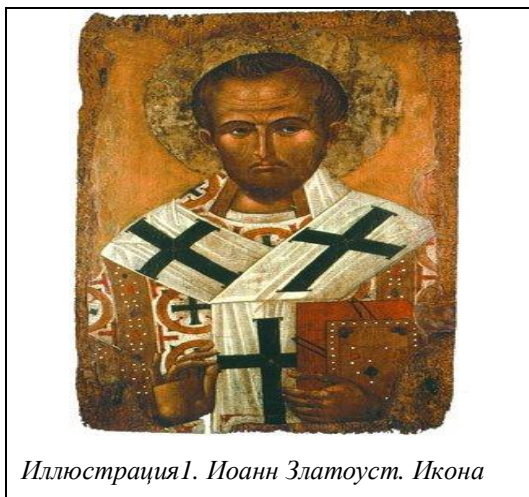

Иллюстрация 1. Иоанн Златоуст. Икона

Святой Иоанн Златоуст обладал даром исключительного красноречия. Он писал и богословские труды, но особенно знамениты его проповеди. Обличая византийских властителей, святой Иоанн был отправлен в ссылку на Кавказ, где скончался в 407-м году. Святые мощи Иоанна Златоуста были перенесены в Константинополь в 438-м году. (Synaksarion: marraskuu, 2004, s. 195-199; перевод автора).

Учёные-литургисты придерживаются мнения, что сам литургический канон носит имя святого Иоанна в связи со значимостью как учителя Церкви и тем почитанием, которого он был удостоен уже при жизни. Формирование же самого чинопоследования, как и отмечалось выше, происходило поэтапно.

Далее мы возвращаемся к аспекту перевода в лоне Православной Церкви.

2.2.3. Русская певческая традиция

Известный финский церковный деятель, архиепископ Павел (Гусев) (1914-1988) отмечает в своей работе "Обзор истории церковного пения" отмечает, что прямой наследницей византийской певческой традиции стала Греческая Православная Церковь, а также Болгарская, Сербская и Румынская Церкви. От них, в последствии, византийские мелодии и манера исполнения приходят на Русь. (Arkkipiispa Raavali, 1982. s. 347-48; перевод автора).

Продолжая рассуждать об особенностях именно русского церковного пения, архиепископ Павел утверждает, что русские изначально искали большей независимости от Византии и потому " византийские мелодии служили образцами до тех пор, пока исконно русская музыкальность не начала себя проявлять в полной мере". (Arkkipiispa Raavali, 1982. s. 348: перевод автора).

Особенности русского музыкального восприятия особенно проявились в звучании т.н. *знаменного распева* (znamenni-sävelmistö), название которого происходит от манеры записывать ноты определёнными знаками. Исследователь подтверждает, что в формировании этой певческой традиции не малую роль сыграло русское народное пение. (Arkkipiispa Raavali, 1982. s. 348: перевод автора).

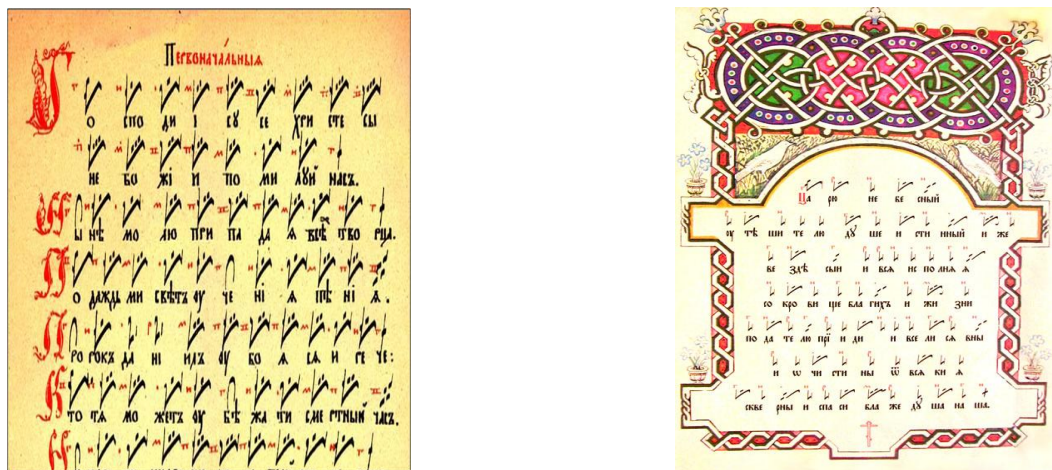

Иллюстрация 3. Молитвы первоначальные и Святому Духу. Крюковая запись.

Многоголосное пение получило особое развитие на Руси в 17-ом веке: его стали успешно применять в сочетании и с новыми распевами, такими как киевский (kiovalainen sävelmistö), греческий (kreikkalainen sävelmistö), болгарский (bulgarialainen sävelmistö) и другими. Хорошо известен тот факт, о котором свидетельствует в своей статье и архиепископ Павел, что постепенно в России произошло формирование определённых певческих школ: *петербургской* и *московской*. (Arkkipiispa Raavali, 1982: перевод автора).

2.2.4. Традиция церковного пения в Финляндии: вчера и сегодня

Выше нами уже отмечалось, что для описания исторического процесса формирования православного богослужения в Финляндии мы будем обращаться к работам финских исследователей, получая информацию, так сказать «из первых уст».

Так, архиепископ Павел указывает в своей уже цитируемой нами статье о церковном пении на то, что «ввиду исторических причин Финская Православная Церковь переняла современную

манеру пения по большей части из лона Русской Церкви ”, а в отношении гимнографии (песнотворчество, *прим.авт.*) и богослужебных текстов Финская Православная церковь продолжает следовать древним церковным традициям, как и иные национальные поместные церкви. (Arkkipiispa Paavali, 1982. s.348-350: перевод автора).

Мы также обратили внимание на работу уже современной финской исследовательницы в области церковного пения доктора теологии Марии Такала-Рощенко. В своем развернутом обзоре «Богослужбное пение в Православной церкви Финляндии» (2008) она также фиксирует, что истоки финского богослужебного пения находятся в византийско-славянской певческой традиции.

Как отмечает исследовательница её начало тесно связано с образованием первых христианских приходов, например, в селении Кякисалми (Приозерск) в 13-ом веке, или же деятельностью первых православных монастырей на территории Карелии, каковым был Валаамский Спасо-Преображенский монастырь на Ладожском озере, построенный в 14-ом веке. По словам М. Такала-Рощенко, пение тогда носило характер *знаменного*, но древних письменных памятников сохранилось совсем немного: многие молитвы пелись по памяти особенно в деревенских приходах. Также есть письменные источники, свидетельствующие, например, об использовании *киевского*, *русского*, а также других древних роспевов, и даже партесного (многоголосие, *прим авт.*) пения на Валааме. (Мария Такала-Рощенко, 2008.)

Как было упомянуто ранее, болевой точкой православной общинной жизни в Финляндии был, всё же не вопрос манеры пения, а языка. Очень часто священнослужители, присылаемые из России, не владели финским языком. Для многих прихожан в Карелии церковно-славянский язык был весьма непонятен, а русский не был уже родным. Во многих источниках, например в книге финского переводчика Тапани Кярккяинен *История Церкви: дневник православного* (1999) отмечается, что после многообразных историко-политических перепетий во второй половине 19-го века, когда Финляндия стала частью Российской Империи Святой Синод Русской Православной Церкви всерьез занялся переводом православной богослужебной литературы на финский язык.

Финская исследовательница В. Виролаинен в своём исследовании на тему развития Литургии на финском языке (Suomenkielisen liturgian kehitys, 2013) поясняет, что впервые перевод Литургий Иоанна Златоуста и Василия Великого на финский язык был осуществлен в Петербурге в 1862 году. Он был выполнен с церковнославянского языка учителем финского Петербургской духовной семинарии Туомасом Фриманом (Tuomas Friman) и, по мнению исследователей, отличался исключительной дословностью. Доработки этого перевода осуществит священник Сергей Окулов уже в 1881 году. Позднее, он же возглавит комитет по переводу из-под пера которого в 1910 году выйдет усовершенствованный перевод литургии (liturgian käsikirja). (W.Virolainen, 2013, с.9: перевод автора).

Как известно, в 1942 году переводческий комитет Финской Греко-католической (православной) церкви выпустит осовремененный вариант предыдущего перевода, который будет окончательно одобрен к использованию в жизни Церкви в 1954 году. Его т.н. переперевод состоится только более полувека спустя в 2011 году. Манера пения, хотя и несколько видоизменялась с течением времени, но по-прежнему остаётся в Финской Православной Церкви много типовой. С другой стороны, достоверно известно, что ранее упоминаемый нами известнейший церковный деятель архиепископ Павел был всё же более склонен к предпочтению традиционного греческого типа пения, нежели витиеватого русского. Он всячески поощрял первый к общему употреблению на клиросах церковных приходов. На сегодняшний день в Финской Православной церкви активно используются сочинения как русских, так и современных финских композиторов.

3. Искусство перевода: обзор научной литературы

”ΕΝ ΑΡΧΗ ΗΝ Ο ΛΟΓΟΣ ΗΝ ΠΡΟΣ ΤΟΝ ΘΕΟΝ ΚΑΙ ΘΕΟΣ ΗΝ Ο ΛΟΓΟΣ”(греч.)

”В начале было Слово и Слово было у Бога и Слово было Бог”. (рус.)

”Alussa oli Sana ja Sana oli Jumalan luona ja Sana oli Jumala”. (fin.)

Евангелие от Иоанна 1:1

В данной главе мы затронем некоторые основные вопросы как переводческой деятельности в целом, прежде всего вопрос о принципах перевода и особенностях повторного перевода, так и аспекта перевода сакральных текстов в частности.

Последние мы считаем необходимостью, потому как хотя на сегодняшний день библейские тексты широко рассматриваются не только квалифицированными библеистами - текстологами но и светскими учёными, а потому видение вопроса в отношении переводческого приёма или даже необходимости преобразования какого-либо пассажа в нечто отличное от раннего варианта может быть далеко неоднозначным.

Хорошо известна ситуация, когда при произведении обновлённого перевода Ветхого и Нового Завета на финский язык, который производился в 80-х годах прошлого столетия и был не чужд «новомодному» принципу доместикации, представитель Финской Православной Церкви, который был одним из членов переводческой комиссии, в какой-то момент был вынужден покинуть её, потому как счёл осуществляемое обращение с текстом слишком вольным.

3.1 Переводческие приёмы: доместикация, форенизация и стратегия “золотой середины”.

Вопрос о наиболее удачном выборе стратегии перевода далеко не нов, а заботил переводчиков уже в древности. В период античности великий церковный деятель и переводчик, блаженный Иероним Стридонский подчёркивал важность перевода именно смыслов. Всё же он придерживался известного буквализма в отношении церковных текстов и его перевод Священного Писания с греческого на латинский язык, т.н. Вульгата, и на сегодняшний день канонична для Католической Церкви.

Дуалистический подход к принципам перевода, т.е. буква-смысл, озвучивался и следующими поколениями переводчиков профессионалов. В своей книге «Невидимый переводчик» (1995) американский исследователь Л. Венути приводит высказывание классика немецкого перевода Ф. Шлейермахера, в соответствии с которым "существует только два метода перевода: или переводчик оставляет автора в покое, насколько это возможно, и приводит читателя к нему; или же переводчик оставляет читателя в покое, насколько это возможно, и приводит автора к нему". (L. Venuti, 1995, с.19-20: перевод автора).

Хотя только в 60-е года прошлого столетия в учёных кругах отчётливо заговорили об т.н. формальном и функциональном методах перевода после введения в употребление этой терминологии американским учёным-библеистом Ю. Найдой (1914-2011). Его определение формального принципа, которое мы уже приводили в своей прежней работе, гласит "перевод, созданный этим методом, позволяет читателю полностью идентифицировать себя с человеком в контексте исконного языка и понять, насколько это в его силах, обычаи, манеру мысли и значения выражения". (E. Nida, 1964, с.159).

Функциональную манеру перевода тот же учёный описывает как т.н. «принцип эквивалентного эффекта» или «динамичной связи». Он обращает внимание на культурный элемент восприятия текста читателем, отмечая, что функциональный метод перевода позволяет читателю понять ту или иную представленную мысль в "контексте его собственной культуры"(E. Nida, 1964, с. 159).

Как известно, и в мире переводоведения может существовать два лагеря, где первые приверженцы т.н. формального подхода или "фореинизации" текста, а другие отдают предпочтение "доместикации", т.е. функциональному подходу. Всё же такая резкая поляризация взглядов не так уж часто встречается. Многие и теоретики, и практики подтверждают присутствие т.н. метода "золотой середины".

Исследователь И. Войнич, например, связывает возникновение стратегии "золотой середины" с "полярностью" и несовершенством и формального и функционального подходов. Таким

образом, сосуществование обоих приёмов просто необходимо, и, по мнению многих исследователей, формирование выходящего из них компромиссного подхода явление отнюдь не новое. Особенно часто метод "золотой середины" используем при переводе художественных текстов. (Войнич, 2010, с.9).

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что метод "золотой середины" не является чем-то совершенно новым, но качество переводческой деятельности, скорее всего, изначально оперировало смыслами, достоверная передача которых была наивысшим критерием состоятельности переводного текста. С другой стороны, сам тип текста может определять те или иные способы передачи смыслов, которые наилучшим образом в конкретной ситуации будут соответствовать замыслу автора оригинала.

Можно предположить, что первоначальной интенцией переводчика и должно быть стремление передать читателю в иной культурной парадигме манеру мышления автора, его мировосприятие. Если же таковая интенция отходит в раздел второстепенных, то её место, скорее всего, будет занято каким-либо иным стремлением, например, стремлением ответить запросам аудитории-реципиента. Подобная целевая направленность будет рассматриваться несколько ниже.

3.2. (Пере)перевод как явление

Итак, как выясняется, повторный перевод текстов явление отнюдь не новое. На сегодняшний день данное явление исследуется чрезвычайно широко: не зря специалисты нарекли 21-й век эпохой повторного перевода или переперевода (*uudelleenkäntämisen kausi*).

Русский исследователь А. Швейцер указывает на то, что перевод – это прежде всего межъязыковая коммуникация. Он, ссылаясь на мнение и других экспертов, напоминает о важности различения функций того или иного перевода. Швейцер подчёркивает, что "перевод представляет собой целенаправленную деятельность, отвечающую определённым требованиям и нормам и ориентированную на достижение определённого результата". Далее языковед говорит о том, что " ...нормы отражают ценностную ориентацию переводчика, без учёта которой нельзя удовлетворительно объяснить логику переводческих решений". (Швейцер А., 1988, 7,42).

Время не стоит на месте, и в современные переводческие тенденции отмечают и важность такого аспекта, как пере(перевод), ориентирующийся именно на потребности аудитории (фин. käyttäjäkeskeinen kääntäminen). Можно предположить, что в данном случае роль выбора переводческих норм предоставляется уже не переводчику, а самим «заказчиком» работы.

Французская исследовательница Десмидт в своей статье о переосмыслении повторного перевода как явления отмечает, что потребность в повторном переводе возникает тогда, когда прежний перевод не соответствует запросам аудитории той или иной культуры. (I.Desmidt, *Retranslation revisited*, 2009, 670: перевод автора). Интересно, как подобного рода направленность может влиять на адекватность передачи смыслов оригинального текста. Наверное, подобная плюрализация переводческих норм будет существенно влиять на субъективизацию восприятия того или иного текста, ведь тогда замысел автора в особенной степени будет подвержен конвенциям, одобренным той или иной аудиторией.

Возвращаясь к работе французской исследовательницы, заметим, что и она упоминает о существовании т.н. «гипотезы повторного перевода» (*retranslation hypotesis*) в соответствии с которой первый перевод имеет прочную связь с исходным текстом, последующие же переводы адаптируются, но с течением времени происходит обратный процесс и возвращение к оригинальному тексту (I. Desmidt, 2009, 671: перевод автора).

В данном случае, многие исследователи ссылаются на работу финских исследователей в области литературного перевода Оути Палопоски и Кайсы Коскинен под названием «Сто и один перевод» (2004), в которой верность вышеизложенной теории проверялась на переводах и перепереводах классики на финский язык. Исследовательницы отмечают как подтверждение гипотезы на примере одних произведений, так и её опровержение на примере других. Ими было отмечено наличие различных переводческих тенденций и их смещений в финской среде: исключительное отстранение текста, ввод пояснений, доместикация.

Существуют и другие исследования, опровергающие однозначность теории повторного перевода. Шведский исследователь Шкьёнсберг, например, утверждает на основе изученных им переводов детской литературы, что в повторных переводах текстов связь с оригиналом

наблюдалась всё менее и менее явно. Потому, Десмидт риторически вопрошает, может ли причиной этому быть разный характер исследуемых корпусов, т.е. тип самих текстов? (I.Desmidt, 2009, 671: перевод автора).

3.3 О стиле перепереводов

Стиль переперевода интересует нас ввиду заданных целей данного исследования. По этой причине, мы обратимся к известным исследователям в данном вопросе, такой, например, признают английскую исследовательницу Мону Бэйкер (Mona Baker), которая занималась стилистикой переводов уже в 2000-х годах и составила корпус литературных переводов на английский язык (The Translational English Corpus (TEC)).

В своей работе, направленной на пояснение методологии литературных переводчиков, она высказывает мнение, что, несмотря на многочисленные попытки как лингвистов, так и литературоведов выявить и классифицировать закономерности выбора переводческой стратегии, вопрос стиля освящался довольно скупо. Выделялись три основные парадигмы: *специфика авторского стиля, специфика институционального контекста и специфика исторического периода*. Как подтверждает Бэйкер, всё это предпринималось, чтобы идентифицировать особенности оригинального текста и воспроизвести их при помощи языка реципиента. (M.Baker, 2000, с. 242-243; авторский перевод).

Исследовательница считает, что для анализа стиля конкретного переводчика необходимо более широко взглянуть на понятие текста и обращать внимание и на другие, с первого взгляда не относящиеся к нему элементы, как например, *предисловие, послесловие* или *сноски*. Всё же, по мнению Бэйкер, анализ лингвистических и стилистических особенностей стиля переводчика не ведёт к конечному осмыслению целей перевода, а только некоторому определению культурной, идеологической или когнитивной направленности того или иного мастера словесности.

Она также отмечает, что задача методологии заключается именно в выявлении тех стилистических черт, которые характерны для конкретного переводчика, а также тех, которые исходят из самого характера исходного текста. (M. M.Baker, 2000, с. 245-58; авторский перевод).

На наш взгляд, хотя, вполне возможно подробное всматривание в следы переводческой деятельности и началось, скажем, в середине 90-х годов после работ Венути (Venuti), но представление о доброкачественном или недоброкачественном переводе всё же было, и в разных культурах. Переводческий талант (например как у К.И. Чуковского), как и талант писательский, воспринимался как что-то до конца неопишное, неуловимое при всём совершенстве методологии отслеживания тех или иных переводческих приёмов. Английская исследовательница в конце своей работы и сама признаёт, что методология имеет свои границы.

3.4 Эквивалентность и адекватность при переводе

Ещё одним важным аспектом оценки качества переводом по мнению исследователей является понятийное различие таких основополагающих терминов как "эквивалентность" и "адекватность" перевода.

Ранее цитируемый русский языковед А.Швейцер говорит о принципиальном различии понятий "адекватный " перевод, который "ориентирован на перевод как процесс " и "эквивалентный перевод ", при котором основная роль отводится "отношению между исходным и конечным текстами, которые выполняют сходные коммуникативные функции в разных культурах ". Адекватностью, по мнению исследователя, является " такое соотношение исходного и конечного текстов, при котором последовательно учитывается цель перевода ". (Швейцер А.1988: 92-93).

Русский исследователь придерживается мнения, в соответствии с которым, возможна как полная эквивалентность, например, в отношении несложных текстов " со сравнительно узким диапазоном функциональных характеристик ", так и частичная: частичной эквивалентностью, например, обладает прозаический перевод поэтического текста. (Швейцер. 1988:95). Можно предположить, что т.н. подстрочники оригинальных текстов, в соответствии с предложенными определениями, именно эквивалентны первичному тексту. Наверное, такого рода перевод и обозначают термином " буквальный", т.е. формальный перевод.

По мнению русского исследователя, адекватность перевода, в свою очередь, требует от переводчика принятия компромиссных решений, потому как в этом случае "перевод должен оптимально соответствовать определённым условиям и задачам ". Таким образом, часто, нарушая текстовую эквивалентность, переводчик добивается адекватности исходного текста.

Швейцер обращает внимание на то, что в художественной литературе "адекватный перевод с частичной эквивалентностью представляет собой довольно частое явление". (Швейцер. 1988:97).

Таким образом, при оценке того или иного выбора переводчика необходимо не только констатировать факт произведения видоизменений в отношении того или иного аспекта исходного текста, но, также возможно сделать некоторые предположения относительно необходимости осуществлённых преобразований.

Можно предположить, что излишнее стремление к адекватности текста для конкретной аудитории приводит к излишним потерям, как на смысловом, так и художественно-поэтическом уровнях. В этом, наверное, и заключается основной вопрос перевода, каким образом максимально сохранить смыслы исконного текста и в тоже время создать понятный текст. В особенной степени данный вопрос касается перевода сакральных текстов, при переводе которых библеистам необходимо принимать во внимание и экзегезу текстов.

3.5 Особенности перевода сакральных текстов

Далее, мы бы хотели представить на рассмотрение следующий вопрос, а подходят ли методы литературного перевода для перевода сакральных текстов? Под сакральными, в данном случае, мы имеем в виду перевод Библии как таковой и наитеснейшим образом с ним связанный перевод богослужебных книг, в том числе текстов Литургии.

С точки зрения американского библеиста Юджина Глассмана, при переводе библейских текстов, независимо от того какой принцип перевода для себя изберёт сам переводчик, ему необходимо особое внимание уделять анализу самого контекста, в который то или иное слово включено. (Е. Glassman, 1981, с. 59: перевод автора). Он, как эксперт, представляет совершенно возможным т.н. буквальный перевод текста, в котором есть некоторое перефразирование ввиду, например, различий в грамматиках языков.

Глассман также считает, что переводчик не в праве «своевольничать», но делать только необходимые поправки ввиду особенностей языка-реципиента, при этом оставаясь верным интенции автора оригинального текста. (Е. Glassman, 1981, с.93: перевод автора). Вышеизложенные принципы работы с сакральным текстом озвучивают, наверное,

большинство профессионалов данной области. Как видим, состоятельность перевода сакрального текста оценивается чрезвычайно строго: сам же перевод, как правило, осуществляется целой комиссией экспертов-языковедов. Таким образом, в отличие от литературного перевода, оценка качества происходит помимо оценки виртуозности самого переводчика, в лучшем случае, она действительно не видна.

Как видим, вопрос корректного и в тоже время адекватного перевода не так уж прост. А основная проблема и заключается в нахождении той самой "золотой середины". С одной стороны, близкий к тексту перевод может быть сложен для восприятия в силу его высокой степени содержания реалий исходного языка, но сложно, а скорее всего и невозможно, достоверно передать содержание оригинала произвольно изменяя текст.

Как мы знаем, в соответствии с семантической теорией Ч.С. Пирса, любая переводческая деятельность опирается на три взаимосвязанные грани:

Иллюстрация 4. Треугольник Пирса.

Таким образом, даже при изменении знака, его понятийное содержание должно соответствовать оригинальному. Скорее всего, честный переводчик стремится к нахождению именно таких замен, если же всё-таки не движем какой-либо заведомо установленной целью. Опасность функционального подхода может заключаться, по нашему мнению, именно в стремлении излишнего угождения, например, той или иной аудитории. В этом случае такой "подкупный" переводчик из "невидимого" транслятора авторской мысли становится цензором авторского замысла, беспринципным диктатором своего толкования первичных целей оригинального текста.

Возможно в отношении художественной литературы о смыслах можно было бы ещё поспорить, но конфессиональный традиционный подход к манере перевода продиктован именно церковным контекстом и потому не терпит "своеволия" переводчика. Иными словами перевод сакральных текстов сопряжён с большой ответственностью, и он, в силу серьёзной и многовековой традиции церковного понимания текста, должен, как выяснилось, опираться на таковую и контекст.

4. Конкретные вопросы переперевода

Далее будут разобраны некоторые частные вопросы языкознания, которые тем или иным образом необходимы для формирования целостной картины самого характера проводимого исследования. Прежде всего необходимо описать те предпосылки, которые, как правило, и служат "катализаторами" повторных переводов, а именно образование новых слов и понятий в языке и устаревание прежних. И потому как в дальнейшем в исследовании будут часто применяемы общие языковедческие термины, то краткие комментарии этих понятий будут приведены ниже.

Итак, в работе будет производиться апелляция к такой области языкознания как, например, *лексикология*, в которой, в соответствии с учебником русского языка Л.Касаткина изучаются те или иные языковые единицы, т.е. общая лексика. Также будут использованы такие понятия, как *фонетика*, в которой изучаются звуковые компоненты слова, а также *словообразование*, в котором внимание уделяется составным частям слов (такие как, корень, суффикс и т.п.). В *морфологии*, в свою очередь, изучают части речи и их отличительные качества. (Касаткин, 2004, с. 5).

Все перечисленные выше понятия окажутся необходимыми при проведении качественного анализа текстов корпуса и тех преобразований, которые они претерпевают при переносе из одной языковой системы в другую, а также в результате переперевода.

4.1 Вопросы заимствованной и устаревшей лексики

Феномен копирования иноязычной лексики характерен для любой культуры. Как известно, заимствования, с течением времени, начинают восприниматься носителями культуры-реципиента как часть собственного лексикона, особенно, если они претерпевают ту или иную форму «одомашнивания». Как известно, заимствования связаны с отсутствием в культуре реципиенте определённого рода понятий, которые в последствии могут быть компенсированы терминологией, образованной на основе собственной языковой системы.

Разумеется, что церковная лексика включает в себя колоссальное количество заимствованных терминов в силу исторических факторов. Исходя из исторических предпосылок, цепь

заимствований церковной лексики можно, наверное, представить в виде следующей схемы:

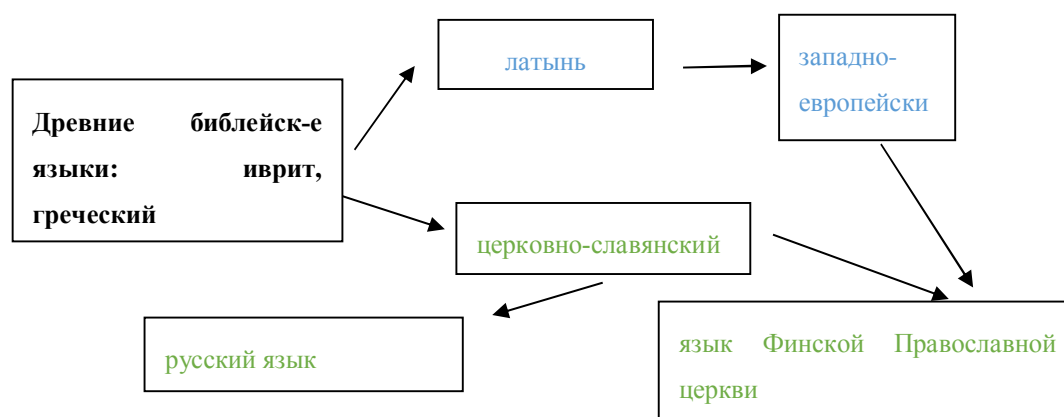

Схема заимствования церковной лексики.

Можно предположить, что на формирование православного лексикона в Финляндии оказывали своё влияние как греческо-церковнославянская, так и западноевропейская церковные культуры, в зависимости от сферы применения.

Разумеется, что вопрос устаревшей лексики, прежде всего *архаизмов*, в таком анализе как данный, наряду с вопросом заимствований, - один из наиглавнейших. Как уже было показано, при квалифицированном переводе церковных текстов целью не ставится видоизменение содержания текста, но, например, упрощение понимания тех или иных моментов для читателя. Самым простым способом в данном случае является преобразование, например, сложных архаичных конструкций или понятий в более знакомые современному среднестатистическому реципиенту.

Необходимо, для начала, дать общее определение такому явлению как *устаревшая лексика*, описав и особенности её различных проявлений в языке. Итак, в соответствии с определением С. Махоня "слова, которые вышли из активного употребления, называются устаревшими словами", а в состав устаревшей лексики входят "две основные группы: *историзмы* и *архаизмы*". К архаизмам относят "слова и выражения, которые вытеснены из активного употребления синонимичными словами и выражениями". (Махонь, 2008).

В связи с характером данного исследования и большого наличия в корпусе текстов *церковнославянизмов*, которые прежде всего относят к разряду именно устаревшей лексики, а также незначительном количестве *историзмов* как таковых, поправки в лексике будут обозначаемы как коррекция *устаревшей лексики* в целом, без подробного описания качественности той или иной языковой единицы. Для большей конкретности далее будет использоваться понятие *архаичной лексики* (архаизм), которое, по нашему мнению, наилучшим образом отвечает целям данной работы.

В выше цитируемом источнике, рассматривающем вопрос типологии устаревшей лексики, представлен перечень архаизмов в соответствии с определёнными лексическими или семантическими признаками. Автор отмечает, что "архаизмы классифицируются по тому элементу в слове, который является устаревшим". (Махонь, 2008).

Типологию архаичной лексики предлагается разграничить следующим образом:

- **лексическая архаика**, т.е. *собственно-лексическая, лексико-словообразовательная* (т.е. преобразования в словообразовании или морфологии слов) и *лексико-фонетическая* (т.е. преобразования в фонетическом звучании слов);
- **семантическая архаика**, т.е. устаревание использования слова в том или ином контексте. (Махонь, 2008).

Вышеуказанное деление будет активно нами использовано в ходе работы с преобразованиями устаревшей лексики нашего корпуса текстов. Вполне возможно, что характер самих текстов не предполагает наличия всех выше приведённых аспектов, но основная роль будет отведена такого рода преобразованиям, которые будут присутствовать и преобразовываться в текстах неоднократно. Причём, отличительные особенности последней группа преобразований, т.е. коррекций *семантического характера*, ранее не пояснялись, а они прежде всего связаны с использованием той или языковой единицы в конкретном языковом контексте. В ходе анализа, на конкретных примерах будет показано, каким образом аспект устаревания значения слова влияет на производимую коррекцию.

4.2 Преобразования в грамматике и лексике финского языка

Перед началом анализа текстов корпусов, мы кратко изложим те значимые видоизменения, которые произошли в финском языке с начала прошлого столетия, т.к. преобразования литературного языка прямым образом отражаются в повторных переводах текстов: хотя скорость подобного явления и его оценка, как было изложено выше, разнятся в зависимости от церковной традиции.

Период с 1870-го года принято считать периодом формирования т.н. нового финского языка. По мнению исследователей, в это время проводятся настоящие «языковые эксперименты» в отношении восприимчивости финского языка к лексическим трансформациям. Преобразования касаются как отдельных классов слов, их лексических и грамматических черт, так и языковых моделей в целом. Учёные отмечают, что это был период, когда финны выбирали какой же из языковых диалектов будет превалировать в книжном финском языке, хотя, можно предположить, что подобные тенденции можно наблюдать и в иных языковых системах при смене языковых парадигм. Думаю, и в русском языке в конце девятнадцатого века происходили важные преобразования ввиду историко-политических причин.

Итак, как отмечает финский языковед и преподаватель Еркки Саволайнен в своей статье «Развитие письменного финского языка» (Kirjasuomen kehitys, 1998), падежное окончание *аккузатива* «*t*» и *партитива* или *инессива* «*a*» появляются только во второй половине 19-го века. В то время было также распространено образование множественного числа *генетива* от основы слова в единственном числе, а во времена Агриколы такой способ был единственным, например, *kalain* (рыбы) или *hammasten* (зубы). Многие падежные формы или не писались в полном виде или их использование было характерно только для определённой местности Финляндии, потому систематизация была длительным процессом. (Savolainen, 1998: перевод автора).

В использование местоимений можно опять же было проследить главенство того или иного языкового наречия: например, в литературе 19-го века наряду с привычными *me*, *te*, *he* (мы, вы, они) можно нередко встретить манеру восточного диалекта *туö*, *туö*, *хуö*. Интересная трансформация, по мнению финского языковеда, произошла с распространённым

относительным местоимением *joka* (который): вплоть до 19-го века параллельно с той же целью использовали местоимение *kuin* (совр. рус. *чем*). (Savolainen, 1998: перевод автора).

В отношении употребления глагольных форм так же отмечается значительное разнообразие, которое ”во видимому обуславливается несходной позицией, выражаемой тем или иным диалектом”. (Savolainen, 1998: перевод автора). Исходя из характера нашего исследования, уделим более пристальное внимание тем изменениям, которые происходят именно на лексическом уровне языка, они ведь и самые ощутимые.

Итак, в 19-ом столетии основной целью языковедов было формирование т.н. культурного финского языка и словообразование было признано основным средством достижения этой цели. Тогда финский язык значительно обогатился новыми сложно соединёнными словами и различными производными от них, а также заимствованиями из других языков. (Savolainen, 1998).

По мнению Еркки Саволайнена, способ соединения отдельных языковых единиц в многосоставные стал в 19-ом веке всё более популяризироваться, в том числе и в отношении глаголов. Они, в том числе, были производимы из сложносоставных существительных, например, *valokuvata* (фотографировать), *järkipäätellä* (рационализировать), *palovakuuttaa* (страховать от пожара), *etsintäkuuluttaa* (объявлять в розыск) и др. Ту же «операцию» проводят и над именами прилагательными: результатом этого стали такого рода пополнения как, *armorikas* (преисполненный благодатью), *muistorikas* (преисполненный памятными событиями), *sisältörikas* (преисполненный содержанием). (Savolainen, 1998: перевод автора).

Целью данного небольшого введения или исторической справки было описать некоторые общие места тех лексико-грамматических преобразований, которые были привнесены в финский язык в 19-ом веке и несколько позже. Развитие языка и его видоизменение конечно же происходило и на протяжении всего 20-го века. Разбор конкретных случаев, основанных на данных корпуса текстов, наилучшим образом дополнит уже сложившееся представление.

4.3 Вопрос лексики и стиля глазами церковных переводчиков

Данная глава будет носить уже более аналитический характер, как бы подготавливая к более подробному осмыслению самих исследуемых текстов и тех видоизменений, которые содержат их обновлённые варианты. В начале, мы всё же расскажем о том, с чем было связано обновление «оригинального» перевода Литургии на финский язык, который в течении первой трети 20-ого века активно использовался.

В сборнике под названием «Божественная Литургия святого отца нашего Иоанна Златоуста» (Pyhän isämme Johannes Krysostomoksen jumalallinen Liturgia), выпущенном в лоне Православной Церкви Финляндии в 1942 году, присутствует ценнейшая статья. Она написана пастором ФПЦ Пааво Саарикоски и посвящена, в том числе, разъяснению тех основных причин, в связи с которыми в то время рассматривалось решение об исправлении используемого варианта Литургии (1910).

Итак, основные исправления, тогда в сороковые годы, касались трёх аспектов:

- *церковноисторического;*
- *греческого текста;*
- *современных (середина 20-го века) требований финского языка.*

Исходя из корпуса наших исследований, нас будут интересовать видоизменения последнего порядка, к тому же выборочно. В качестве пояснения автор часто ссылается как на греческий, так и на славянский оригинальный текст, потому «преемственность» финских вариантов очевидна.

П. Саарикоски, ссылаясь и на общее мнение переводческо-издательской комиссии (Suomennos – ja toimituskomitea), излагает следующие замечания. По его мнению, частое использование *сочинительного союза «и»* необходимо сохранить, особенно, когда речь идёт о таких устоявшихся выражениях как *”и ныне и приисно и во веке веков” (nyt ja aina ja iankaikisesti)*. Это прямое заимствование грамматической структуры греческого языка характерно для западноевропейской, в том числе и русской, языковой культуры в целом. (Saarikoski, 1942: перевод автора).

Автор предлагает изменить в некоторых местах формы употреблений глаголов, причастий или местоимений, ссылаясь на оригинальные тексты. Саарикоски также приводит примеры не

совсем удачных переводов понятийной лексики, которые необходимо видоизменить, например, *Единородный* (*ainosyntyinen*) на *Единственный* (*Ainokainen*) или *лик* (*veisaajat*) на *хор* (*laulajat*) и другие. (Saarikoski, 1942: перевод автора).

В ходе частной переписки с одним из ключевых фигур редакции перевода сборника *Литургия* (2011) на финский язык, преподавателем церковной музыки профессором Марией Такала-Рощенко, выкладки работы о церковном пении которой уже были нами ранее приводимы, было установлены некоторые важные данные по поводу проведённой переводческой работы в отношении последнего перевода. Далее приводится отрывок из переписки:

"Käännöstä ei uusimmassakaan muodossa ole tehty suoraan kreikasta, vaan sitä on korkeintaan osittain tarkistettu kreikankieliseen lähteeseen. Mutta koska kirkkoslaavinkielinen alkuteksti pohjautuu kreikkaan, suomenkielinenkin on pääosin identtinen kreikkalaisen kanssa. (Toki esiintyy erilaisia kieliredaktioita, mutta pääpiirteet ovat samat.) "

(M. Takala-Roszczenko, *Kirkkoveisuista*, 2016, sp)

Так как автор данной работы не владеет греческим языком, то мы, соответственно, ограничимся сравнением переводов и перепереводов между собой. Кроме того, Такала отметила, что для первого финского перевода была характерна высокая сопоставимость именно с церковнославянским аналогом. Вот её дословный комментарий:

"Tuomas Frimanin ensimmäisen käännöksen, joka on todella erikoista suomea pyrkiessään noudattamaan kirkkoslaavinkielisiä ilmaisuja mahdollisimman täsmällisesti! Esim. причастие on käännetty "osauttaminen" jne."

(M. Takala-Roszczenko, *Kirkkoveisuista*, 2016, sp).

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что корректоры перевода 1955 года не стремились адаптировать текст путём редукции особенностей стиля, но, всё же считали необходимым скорректировать лексику, учитывая конвенции современного финского языка. Кроме этого, мы знаем, что переводческая комиссия, которая занималась последним библейским переводом (1992), стремилась к использованию метода "золотой середины". Последний перевод церковных песнопений в Православной Церкви Финляндии был, отчасти, обусловлен именно появлением нового отредактированного текста Священного Писания.

5. Результаты сравнительного анализа

Итак, нами был предпринят анализ корпуса, состоящего из 5 вариантов текста, путём их сопоставления. В первой части мы намерены определить некоторые общие данные, которые первыми просматриваются при сравнении частей корпуса, как например, соотносительное количество лексем разных переводов, отличия, наблюдаемые в стиле того или иного текста: их сохранение или упразднение. После чего, во второй части главы мы перейдём, непосредственно к разбору лексических преобразований, в основном касающихся лексики и её коррекции. В конце мы опишем ещё два лексико-стилевых феномена более частного характера.

5.1 Общие данные текстов: Количество и *Retranslation theory*

Для начала, мы опишем некоторые общие итоги работы с корпусами текстом. Известно, что одной из целей переперевода является стремление к большей лаконичности текста, упрощению лексических или грамматических нагромождений и подобное. По этой причине, мы сравним общее число лексем каждого из переводов с оригинальным текстом на церковнославянском языке и переводов между собой: конечно же понимая, что данный механический способ сам по себе даёт только абстрактное представление о т.н. лаконичности текста.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	всего
цс	67	106	39	109	28	147	50	30	74	128	9	54	841
р	68	111	39	110	27	148	48	29	73	129	9	57	848
ф1910	62	114	45	115	30	152	57	26	65	125	10	56	857
ф1955	66	116	44	115	30	154	57	26	67	115	10	56	856
ф2011	73	132	44	105	30	153	57	26	66	116	10	57	869

Таблица 1. Количество лексем в текстах корпуса

На основе полученных данных, "оригинальный" текст на церковно-славянском языке содержит **841** лексему, русский перевод **847** лексем; финские же переводы ненамного длиннее: в переводе 1910-го года **857** лексем, 1955-го года **856** лексем, а последний финский перевод обладает наибольшим количеством лексем, их **869**.

Очевидно, что в силу смежности грамматических систем церковно-славянского и русского языков, эти тексты отличаются особенно высокой степенью сходства. При этом, в отношении финских переводов, нужно отметить, что два более ранних перевода практически идентичны; кроме того, четыре гимна сохранялись во всех трёх вариантах в их "первозданном" виде, это "Херувимская песнь" (5), "Евхаристия" (7), "Достойно есть" (8) и "Тело Христово примите" (11).

Исходя из тех, на наш взгляд, незначительных изменений, которые претерпевают тексты анализируемых переводов, можно всё же сделать некоторые выводы по поводу описываемой ранее т.н. *Теория переперевода*. Мы наблюдаем, что в исследуемом корпусе текстов, первые переводы сохраняют более высокую степень соответствия оригиналу, а для более позднего варианта характерна меньшая "дословность". Таким образом, в данном аспекте *теория перевода* не была подтверждена.

5.2 Стиль и орфография

5.2.1 Инверсия

Как известно, для поэтической речи такой стилистический приём, как *инверсия*, является одним из наиважнейших методов акцентирования внимания подразумеваемого читателя на том или ином аспекте высказывания. Тип предложения также оказывает влияние на порядок его членов.

В нашем случае мы будем обращать большее внимание на то, насколько соответствует построение фразы того или иного перевода исконному, т.е. церковно-славянскому тексту, который мы принимаем за основной. Таким образом *инверсией*, в нашем случае, будет изменение именно этого первоначального порядка.

Мы можем наблюдать, что в некоторых текстах (например в "Первом" и "Втором изобразительных антифонах") части побудительного предложения меняются местами: в оригинальном варианте *обращение* (душа моя) предшествует *дополнению* (Господь), а в последнем переводе (2011) они меняются местами.

(1)

цс1: Благослови, душе моя, Господа, и не забывай всех воздаяний Его.

р1: Благословляй, душа моя, Господа, и не забывай всех благодеяний Его.

ф1910-1: *Kiitä, sieluni, Herraa äläkä unohda kaikkia hänen hyviä tekojansa!*

ф1955-1: *Kiitä, sieluni, Herraa äläkä unohda mitään, mitä Hän on sinulle hyvää tehnyt.*

ф2011-1: *Ylistä Herraa, minun sieluni, älä unohda, mitä kaikkea hyvää hän on sinulle tehnyt.*

или

цс2: Хвали, душе моя, Господа. Восхваляю Господа в животе моем,
р2: Хвали, душа моя, Господа. Хвалить буду Господа всю жизнь мою,
ф1910-2: *Kiitä, sieluni, Herra! Minä kiitän Herra, niinkauvan kuin elän;*
ф1955-2: *Ylistä, minun sieluni, Herra. Minä ylistän Herra kaiken ikäni,*
ф2011-2: *Ylistä Herra, minun sieluni! Koko elinaikani minä ylistän Herra,*

Далее, мы приведём пример, из которого видно, что только первый финский текст (1910) соответствует структуре оригинального текста.

(2)

цс2: в той день погибнут вся помышления его.
р2: в тот день погибнут все помышления его.
ф1910-2: *sinä päivänä katoovat kaikki hänen aivoituksensa.*
ф1955-2: *sinä päivänä hänen hankkeensa raukeavat tyhjiin.*
ф2011-2: *ja sinä päivänä kaikki hänen hankkeensa raukeavat.*

Мы видим, что во втором (1955) и третьем (2011) переводах происходит перефразирование, таким образом, что *подлежащее* выносится на первую позицию, в соответствии с языковыми нормами. Хотя, в тексте можно выделить и примеры, в которых именно второй перевод (1955) будет более соответствовать построению исконной фразы.

Так происходит, например во фрагменте, относящемся ко ”Второму изобразительному антифону”. В том случае, *сказуемое* предшествует *дополнениям*, что соответствует оригиналу, только во втором переводе (1955). С другой стороны, в корпусе можно встретить и примеры того, когда именно третий перевод более соответствует оригиналу нежели более ранний, например во фрагменте, входящем в состав уже упоминаемого ”Первого изобразительного антифона”. Инверсия, в этом случае, присутствует и в последнем переводе, а потому невозможно сделать предположение о том, старались ли коррективщики последнего перевода создать нейтральный текст, с точки зрения такой стилевой особенности, как *инверсия*.

Кроме того, как было выше упомянуто, некоторых переводов гимнов (тексты 5,7,8,11) коррекция не коснулась никаким образом, а потому и содержащийся там не прямой порядок слов остался без каких-либо изменений. По этой причине, на данном этапе невозможно однозначно подтвердить, что в последнем переводе происходит планомерное исправление вышеуказанного поэтического феномена. Мы предполагаем, что данный аспект требует более широкого и подробного анализа.

5.2.2 Особенность знаков препинания

Как уже описывалось выше само слово *церковный гимн* предполагает особую торжественность и возвышенность стиля: это выражается и музыкальными и текстологическими средствами.

Как известно, самым распространённым языковым средством передачи особой эмоциональности какого-либо высказывания в современных европейских языках является *восклицательный знак (!)*. В соответствии с определением А.Лопатина "при восклицательной интонации, сопровождающей сообщение, (в конце предложения) ставится *восклицательный знак*". Он отмечает, что при помощи определённого рода пунктуации в высказывании подчёркиваются "смысловые взаимоотношения между его членами", а также "учитываются контекстуальные условия" конкретных ситуаций. (Лопатин, 2006).

В соответствии с нормами современной финской грамматики использование восклицательного знака обусловлено наличием в высказывании повеления, пожелания, восклицания или запрета, а также при обращении. Особенно часто его используют в кратких выражениях. Определение гласит, что вышеуказанный характер предложения должен в высшей обладать указанной коннотацией, если же она незначительна, то потребности в интонационном обособлении при помощи восклицательного знака нет. (Itkonen, 2007: перевод автора).

Использование восклицательного знака и в исследуемом нами корпусе текстов является излюбленным приёмом выражения особого торжества духа молящихся, которых во время богослужения и «озвучивают» хористы. Всё же в некоторых переводах употребление восклицательного знака более часто чем в иных: их точное количество в текстах указано в таблице ниже.

<i>церковно-славянский</i>	<i>русский</i>	<i>финский 1910</i>	<i>финский 1955</i>	<i>финский 2011</i>
не присутствует	9	12	не присутствует	2

Таблица 2. Наличие восклицательного знака в оригинале и переводах.

Итак, как видим использование восклицательного знака особенно характерно как для русского (9) так и для более раннего финского (12) вариантов, которые, напомним, были выполнены, имея образцом церковнославянский текст. Употребление в этих текстах чрезвычайно сходно, хотя, и не всегда параллельно. Причём, интересно, что в финском варианте, например, восклицательным знаком завершается даже троекратное «Аллилуя», которое, казалось бы, и без того подразумевает необычайную торжественность.

(3)

р5: Ангельскими полками невидимо сопровождаемого. Аллилуия, аллилуия, аллилуия.

ф1910-5: jota näkymättömästi seuraavat enkelein joukot. Halleluja, halleluja, halleluja!

или

р12: Сохрани нас во Твоем освящении, дабы весь день размышлять нам о правде Твоей. Аллилуия, аллилуия, аллилуия.

ф1910-12: säilytä meitä sinun pyhydessäsi, että koko päivän oppisimme sinun totuuttasi. Halleluja, halleluja, halleluja!

По нашему мнению, особенно частое использование восклицания как в русском, так и в более раннем финском переводах обусловлено стремлением переводчиков сохранить торжественность гимнов, которые традиционно исполнялись как в Русской, так и в Финской Православной церкви исполнялись на церковнославянском языке.

В перепереводах же этот элемент уже менее заметен, если вообще употребляем. Хотя, не использование восклицательного знака в переводе 1955-го года может быть и обусловлено стремлением переводчиков строго следовать норме первоначального текста, а торжественность слога выразить иным способом, который будет более подробно разбираться в последующих главах. Всё же на основе данных выше приводимой таблицы можно наблюдать присутствие особенно торжественной интонации в двух случаях, а потому невозможно говорить о полной редукции этой стилевой особенности в последнем финском переводе, но, по сравнению с первым вариантом, использование восклицательного знака с целью выражения торжественности значительно сокращается.

В задачи данного анализа не входит подробное описание, например, орфографических преобразований при перепереводах, но о некоторых особенно явных конечно же следует, упомянуть. В раннем финском переводе (1910) замечается, например, тенденция употребления *точки с запятой* при перечислении выражений, которые по смыслу связаны друг с другом. В более новых переводах этот знак чаще всего преобразуется в *запятую* или

точку, что, конечно же, упрощает и делает более современным восприятие данного грамматического элемента в тексте.

5.3 Заимствованная лексика

5.3.1 Фонетическая коррекция

Далее будут рассмотрены наиболее значимые примеры трансформации заимствованной лексики. В ходе исследования удалось обнаружить несколько фонетических преобразований, которые, в силу большой распространённости данных терминов, обратили на себя особое внимание. Вначале мы рассмотрим те термины, в которых произошло **удлинение определённых гласных**: таковых три.

- 1) «*Аминь*» - греческое слово от еврейского "правда, верность, истинность", заимствование происходит без перевода. Известный исследователь и библеист Эрик Нюстрем поясняет, что "один раз или многократно повторенное оно употребляется в конце молитв и псалмов...при клятвенном обещании...те, кому эти слова были сказаны, должны были произнести «аминь» и этим словом связывали себя клятвой". (Э.Нюстрем, Библейский словарь, 1980, с.16).

Данный термин встречается в корпусе гимнов три раза в конце «Третьего изобразительного антифона» (4), «Херувимской песни» и «Символа Веры». В последнем финском переводе происходит удлинение начальной гласной «а»: **amen** (1913,1955) – **aamen** (2011).

- 2) «*Иисус*» - от еврейского Иесуа или Иешуа. В словаре Нюстрема указывается, что Он "Сын Бога Отца от вечности, ставший Сыном Марии, когда пришла «полнота времён»...Сведения о жизни Иисуса переданы нам в 4-х Евангелиях". (Э.Нюстрем, Библейский словарь, 1980, с. 172).

В корпусе гимнов вышеуказанный термин присутствует в двух текстах «Символе Веры» и т. н. *молитве перед Причастием*, которая входит в состав «Молитвы Господней» (9). Интересно, что в финском варианте 1910 года в данная лексема более созвучна русскому варианту, «Иисус – **Jesus**»; в более поздних переводах (1955 и 2011) термин преобразовывается, посредством удвоения гласной «е», в «**Jeesus**».

- 3) «*Сион*» - в соответствии с Библейским словарём (1980) понятие дословно переводится как "солнечный, одна из гор Иерусалима, древняя крепость Иевусеев, которая была взята Давидом и стала главной крепостью нового царского города, называемого «город Давида»...Прообраз

земной скинии, небесное жилище Бога, называется также горою Сион, небесным Иерусалимом”. (Э.Нюстрем, Библейский словарь, 1980, с. 415).

В корпусе данный термин обнаруживается всего лишь однажды, в тексте «*Второго изобразительного антифона*»; но и в данном случае можно наблюдать фонетическое преобразование понятия путём удвоения гласной «и» в двух последних вариантах: «*Sion*» - «*Siion*».

В двух других случаях, фонетическая коррекция происходит за счёт **упразднения согласных**: это касается таких понятий церковной лексики как «херувим» и «серафим». В обоих случаях речь идёт о т.н. «небесных ангельских чинах». Первый термин встречается в корпусе в текстах «Херувимской песни» и «Достойно есть», а второй только «Достойно есть». Для большей наглядности приведём конкретный пример:

(4)

цс8: Достойно есть - Честнейшую **Херувим** и славнейшую без сравнения **Серафим**,
р8: Достойно есть - Честью высшую **Херувимов** и несравненно славнейшую **Серафимов**,
ф1910-8: Totisesti on kohtuullista - Me ylistämme Sinua, joka olet kerubimeja kunnioitettavampi
ja serafimeja verrattomasti jalompi,
ф1955-8: Totisesti on kohtuullista - Me ylistämme Sinua, joka olet kerubeja kunnioitettavampi
ja serafeja verrattomasti jalompi,
ф2011-8: Totisesti on kohtuullista - Me ylistämme sinua, joka olet kerubeja kunnioitettavampi
ja serafeja verrattomasti jalompi,

Исходя из преобразований, перечисленных выше, мы делаем вывод, что трансформация заимствованной лексики в вышеприведенных случаях имела **фонетический характер**: происходило или удлинение гласных, или же упразднение согласных. В русском варианте подобных изменений не наблюдалось, но первоначальная манера произношения оставалась согласной традиции оригинального текста. Можно предположить, что исходя из культурно-социального контекста, изменившаяся манера произношения данных языковых единиц в лютеранской традиции имела воздействие и на исследуемые тексты православной гимнографии. Такой процесс, по-видимому, можно охарактеризовать как элемент *доместикации* текста.

5.3.2 Лексическая коррекция

Как известно, перевод идиоматических выражений связан с определёнными сложностями. Известный российский библеист Андрей Десницкий считает, что ”одна из них связана с

сочетаемостью слов, так как подбор самых правильных единиц языка может привести к переводческой ошибке, если они плохо сочетаются между собой”. По мнению исследователя, даже подходящие по смыслу слова могут оказаться в ”неудачном соседстве” , а потому и во всю фразу будут привнесены нежелательные оттенки. (Десницкий, 2015).

Всё вышесказанное будет особенно отчётливо видно при разборе следующего примера, который находится шестым по счёту текстом корпуса под названием «Символ Веры». Это выражение, на наш взгляд, не является *фразеологизмом*, но, в силу церковной традиции, воспринимается как исконно библейская *идиома* или богословская формула.

(5)

цсб: Символ Веры - И возшедшаго на небеса, и сидяща **одесную Отца**.

рб: Символ Веры - И восшедшего на небеса, и сидящего **справа от Отца**.

ф1910-6: Uskontunnustus - Ja meni ylös taivasiin ja istuu Isän oikealla kädellä.

ф1955-6: Uskontunnustus - Ja meni ylös taivasiin ja istuu Isän oikealla puolella.

ф2011-6: Uskontunnustus - astui ylös taivasiin, istuu Isän oikealla puolella,

Итак, мы видим яркий пример преобразования устаревшей лексического оборота: известное библейское выражение в русском переводе заменяется на современный эквивалент «справа от», который обладает сходной с оригинальным вариантом коннотацией. Необходимо обратить внимание и на манеру перевода этого выражения на финский язык: несложно будет определить, что в варианте 1910-го года использована так называемая «калька», дословный перевод: «Isän oikealla kädellä» или «по правую руку от Отца». Интересно, что такая форма высказывания используется и в более ранних финских библейских переводах (finbible).

Несмотря на расхожесть данного выражения, мы можем наблюдать, что уже в переводе 1955 года данная идиома преобразовывается в более нейтральную «сидеть по правую сторону» («istua oikealla puolella»), которая, по сравнению с устаревшим выражением не имеет упомянутых выше спорных семантических оттенков ввиду. На основе этого, мы приходим к выводу, что коррекция такой идиомы носит **семантический характер**.

5.4 Устаревшая лексика

Теперь мы приступаем к рассмотрению именно лексики устаревшей: иными словами, мы будем описывать те приёмы, которыми пользовались переводчики комиссии для того чтобы

преобразовать более старую лексику финского языка в её современные варианты. Эта цель и, как можем предполагать, оказалась основной.

Поправки в тексты, конечно же, не внесены равномерно: более масштабные части исправлены в большей мере, особенно, если в их основе лежит текст Священного Писания. Такими являются *три антифона* (части 1,2 и 4) и «*Молитва Господня*» (9). Особенно следует отметить, что и в новом переводе жемчужины богословской мысли четвёртого века «*Символе Веры*», мы обнаружили некоторые важные и, в тоже время, интересные новые решения. Хотя и другие тексты корпуса были подвергнуты некоторой корректировке.

Необходимо также уточнить, что корпус текстов не содержит, как таковых, историзмов; таким образом ниже будут описаны те изменения, которым в процессе переперевода подверглась именно *архаичная лексика*.

Мы сгруппировали обнаруженные преобразования в соответствии с принадлежностью видоизменённого слова к той или иной части речи: перечисление видоизменений же будет произведено в соответствии с их принадлежностью к *фонетике, морфологии, словообразованию, лексике или семантике*, как и пояснялось выше. После чего мы также опишем видоизменения, связанные с т.н. традиционным КАІ – стилем и правописанием сакральных понятий.

5.4.1 Преобразование имён существительных

Итак, на основе анализа нашего корпуса, мы выяснили, что самым чувствительным изменениям в новом финском перепереводе подверглись *устаревшие существительные* (или *причастия* в значении *существительных*).

Совершенно естественным воспринимается то, что устаревшая лексика при перепереводе претерпевает изменения и заменяется своими синонимами или близкими по смыслу лексемами. Далее, мы поочерёдно будем разбирать наиболее интересные примеры произведённых видоизменений. Для наглядности наши находки помещаются в таблицы ниже, где в первой графе будут перечислены церковнославянизмы, во второй графе их русский эквивалент, а в последней графе их финские аналоги, в соответствии с данными корпуса.

Церковнославянизмы	Русский перевод	Финские переводы
внутренняя моя	внутренность моя	kaikki, mitä minussa on (мест.)
воздаяние	благодаяние	hyvät teot
упование	надежда	toivo/turva
окованный (прич. в роли сущ.)	узник	vangittu
низверженный (прич. в роли сущ.)	поверженный	alas- tai maahan painettu
пришелец	пришелец	muukalainen
сир	сирота	orpo
сынове	сынами (ед. ч. сын)	lapset
изгнани (прич. в роли сущ.)	гонимые (ед. ч. гонимый)	vainotut
мзда	награда	palkka
Ангельские чины	Ангельские полки	enkelein joukot
человеки	люди	ihmiset
без исления	девственно	puhdas (прил.)
прегрешение	согрешение	synninteko/synti
во оставление	в прощение	anteeksi antaminen / -saamiseksi
причастник	участник	osallinen
лобзание	поцелуй	suudella (глагол.)
хваление	хвала	kiittäminen
Тайна	Таинство	salaisuus

Таблица 3. Преобразование имён существительных: постоянные эквиваленты.

Как видим, первоначальную языковую единицу в форме имени существительного преобразовывали, в некоторых случаях, и в имя прилагательное и даже глагольную форму, в зависимости от контекста. Понятно, что т.н. ”дословный” перевод с точной передачей всех морфологических признаков исконных слов в задачу переводческой комиссии не входил.

Итак, сравнивая два первых текста, оригинал и русский эквивалент, можно наблюдать замещение церковнославянизмов, носящее разный характер. Исходя из той классификации лингвиста С. Махони, которая была предложена как основа качественного анализа, можно заключить, например, следующее:

- *собственно-лексическая* коррекция происходит на уровне таких церковнославянизмов как *упование* – награда (рус.), *мзда* – награда (рус.), или *лобзание* – поцелуй (рус.): в таких случаях происходит полная замена корневой основы слова;
- *лексико-словообразовательные* замещения в свою очередь происходят, например, в словах *прегрешение* – согрешение (рус.), *причастник* – участник (рус.), *хваление* – хвала (рус.): заменяется только одна или несколько морфем.

Интересная трансформация произошла с такими характерными библейскими выражениями как «сыны человеческие» (цс2) и «сыны Божьи» (цс4). В русском варианте эти понятия практически неизменны, но в финских текстах существительное мужского рода *сын* (*poika*) заменяется более нейтральным *ребёнок* (*lapsi*) или даже *человек* (*ihminen*).

(6)

цс2: Не надейтесь на князи, на **сыны человеческия**,
 р2: Не надейтесь на князей, на **сынов человеческих**,
 ф1910-2: Älkää luottako ylimyksiin, ihmisen lapseen,
 ф1955-2: Älkää luottako ruhtinaihin älkääkä ihmislapseen,
 ф2011-2: Älkää luottako maan mahtaviin, älkää luottako yhteenkään ihmiseen –
 или

цс4: Блажени миротворцы, яко тии **сынове Божии** нарекутся.
 р4: Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены **сынами Божиими**.
 ф1910-4: Autuaat ovat rauhan tekijät, sillä heidät Jumalan pojiksi kutsutaan.
 ф1955-4: Autuaita ovat rauhantekijät, sillä heidät on kutsuttava Jumalan lapsiksi.
 ф2011-4: Autuaita rauhantekijät: he saavat Jumalan lapsen nimen.

Как видим, если в переводе 1910-го года во втором варианте присутствует ещё дословный перевод выделенного понятия, то более поздние тексты принимают более нейтральную окраску. Причём, в оригинальных текстах Священного Писания фигурирует именно понятие «сын» в обоих случаях. Такой вид трансформации, наверное, нельзя определять на основе используемой выше классификации, потому как он носит скорее коннотативный характер, влияющий на восприятие всего смысла фразы.

Необходимо всё же отметить, что многие церковнославянские понятия, с точки зрения современного читателя, остались в русском переводе без существенных видоизменений, а вот поздние тексты на финском языке были более гуттаперчевы в отношении временного аспекта некоторых случаях: для сравнения ниже приводится их некоторый перечень.

Неизменённые церковнославянизмы	Эквиваленты в финских переводах
беззакония	synti/laittomuus (synninteko)
недуги	heikkous/sairaus
живот (жизнь)	henki/ikä/elinaika/elämä
князя	ylimykset/ruhtinaat/maan mahtavat
помышления	aivoitukset/hankkeet
праведник (-ый)	hurskas/vanhurskas/oikeamielinen
сущность	olento/olemus
свет	valkeus/valo
суд	tuomitseminen/syyte

Таблица 4. Преобразование имён существительных: видоизменённые лексемы.

Церковнославянский термин «*живот*» в нашем корпусе встречается в тексте «*Первого изобразительного антифона*» (цс1) два раза. В русском переводе этот *архаизм* преобразуется, в соответствии с его контекстуальным значением, в «жизнь» (человека). В финских текстах в данных случаях используются несколько синонимов, например, в более ранних (1910 и 1955) ”henki” (которое обозначает и «*дух*») или ”ikä”, а в последнем (2011) ”elämä” и ”elinaika”. Как видим, поздние варианты даже более «дословны».

Несмотря на перечисленные изменения, в основном, текстам финских переводов свойственна тенденция скорее к постоянству, особенно в отношении устоявшихся понятий; нежели целенаправленное **исправление церковной лексики**, хотя и такие примеры можно было обнаружить, например, в случаях с лексемами *беззаконие* (*laittomuus*) или *праведник* (*hurskas, vanhurskas*). На основе примеров, приведённых в таблице, можем заключить, что замещения устарелой лексики в отношении имён существительных было произведено путём компенсации их современными синонимами той же части речи.

Из выделенных примеров в вариантах на финском языке только один можно отнести к коррекции **семантического характера**: существительное ”olento” более используется в значении ”существо, создание, тварь ” (Вахрос И, Финско-русский словарь, 1995) , а не ”*сущность*”.

5.4.2 Преобразование имён прилагательных

Следующей темой нашего анализа будет описание тех видоизменений, которые были произведены при повторных переводах с именами прилагательными, потому-как и их в нашем корпусе довольно большое число. Все же наличие этих изменений в текстах не равномерно, и для того чтобы выяснить тенденции, т.е. какого рода устаревшая лексика преобразована, необходимо произвести некое группирование лексем. Исходя из этого, мы решили для удобства подразделить имена прилагательные на две группы:

1. группа стабильных вариантов – это группа постоянных эквивалентов, из перевода в перевод неизменных;
2. группа преобразованных вариантов.

Порядок расположения лексем в таблице ниже будет прежним, т.е. хронологическим: сначала церковнославянский вариант, затем русский аналог, а потом эквивалент в финском языке:

Церковнославянизмы	Русский перевод	Финский вариант
Святой(-е,я) (7)	святой	pyhä
щедр (1)	щедр	laupias
единородный(цс3)	единородный	ainokainen
бессмертен (3)	бессмертный	kuolematon
присный (1)	присный	ainainen
распный ?	распный	ristiin naulittu
блажени (цс4) (11)	блаженны	autuas
чистии сердцем	чистые сердцем	puhdassydäminen
животворящей (3)?	животворящий	eläväksi tekevä
житейское (-ий)	житейское	maallinen
единосущный	единосущный	yksiolennallinen
благословен	благословен	siunattu
пренепорочный	пренепорочный	puhdas
честнейший	честью высший	kunnioitettava
славнейший	славнейший	jalo
грешный	грешный	syntinen
самое пречистое (2)	самое пречистое	puhtain
самая честная	самая драгоценная	kallis
тайный	таинственный	salainen

Таблица 5. Преобразование имён прилагательных: постоянные эквиваленты.

Как и ранее, при сопоставлении двух первых текстов можно констатировать, что коррекции в русском варианте были вызваны устареванием некоторых конкретных морфем, входящих в состав тех или иных языковых единиц, например: *суффикса* в словах *кротций*-кроткий (рус). или *распный* – распный или *окончания*, например, *святой* – святой, *чистий* – чистый, *милостивий* – милостивый, а также *будущай* – будущий. В разряд семантической, т.е. смысловой, коррекции, по моему мнению, можно отнести преобразования с церковнославянизмом *честнейший* (превосходная степень от прил. *честный*), которое переведено в русском варианте как «честью высший» или «самый драгоценный».

Как видим, перевод многих понятий, несмотря на почти столетнюю давность самого раннего финского перевода корпуса текстов, не претерпел изменений как таковых. Стоит отметить, что нами не были включены в перечень лексем те, которые находятся в употреблении и в обиходной лексике, например, такие, как «невидимый», «живой» или «мёртвый».

Теперь мы приведём перечень таких лексем, которые ввиду своих тех или иных свойств были преобразованы в финских перепереводах.

Церковнославянизмы	Русский перевод	Финские варианты (1910, 1955, 2011)
милостив	милостив	armollinen/armahtavainen/ anteeksiantava
долготерпелив	долготерпелив	sangen kärsivällinen/ pitkämielinen/kärsivällinen
многомилостив	многомилостив	armollinen/ylen armollinen/ armo on suuri
блажен (цс2)	блажен	autuas/-/onnellinen
нищий	нищий	vaivainen/köyhä/-
кротций	кроткий	siveä/sävyisä/kärsivällinen
милостивый	милостивый	laupias/-/armahtava
видимый	видимый	näkyväinen/-/näkyvä
истинный	истинный	1.totinen/-/tosi 2.totinen/-/todellinen
будущай	будущий	tulevainen/-/tuleva
насущный	насущный	tarpeellinen/-/jokapäiväinen

Таблица 6. Преобразование имён прилагательных: видоизменённые лексемы.

Исходя из наблюдаемых выше видоизменений можно заключить, что, преобразования имён прилагательных в основном носили:

- 1) **семантический характер**, т.е. исходное слово более не употребляется в данном значении: например, "vaivainen" («ничтожный», «больной») в значении «нищий», "siveä" («чистый», «непорочный», «благопристойный») в значении «кроткий» или "tarpeellinen" («необходимый») в значении «насущный»;
- 2) **словообразовательный/морфологический характер**, т.е. при сохранности корня слова его морфологический облик претерпевает изменения: это произошло, например, с прилагательными «видимый», «истинный», «будущий» ("näkyväinen" – "näkyvä"; "totinen" – "tosi", "todellinen", "tulevainen"- "tuleva").
- 3) также производилась **корректировка церковной лексики** по отношению, например, к таким лексемам как милостивый (*armollinen, laupias*) или блаженный (*autuas*).

Произведённые изменения красноречиво свидетельствуют о том, что корректировка лексики на разных уровнях была одной из основных задач последней переводческой комиссии.

5.4.3 Преобразование причастий

Далее, необходимо описать такую особенность финских переводов как преобразование многочисленных *причастий, действительного или страдательного залогов*, первоначального (т.е. церковнославянского) текста или в глагольные формы (*настоящего, прошедшего времени, также перфекта*); или в *причастия/прилагательные*. В русском варианте эти видоизменения единичны, но в финских эта тенденция превалирует. Обнаруженные элементы таких преобразований сгруппированы в ниже представленной таблице, в соответствии с прежним принципом, но в качестве русского и финских эквивалентов будет представлена *инфинитивная форма* лексем.

Обнаруженные видоизменения лексем выделены в таблице особым образом. При расхождении вариантов, русский аналог помещается в скобках первой графы.

Церковнославя-змы (русский вариант)	Финские варианты
Очищаюшай (прощать инф.) исцеляюшай (исцелять инф.) избавляюшай (избавлять инф.) венчаюшай (венчать инф.) сотворившай (-ий) храняшай верность (-ий)	antaa anteeksi parantaa päästää/lunastaa kruunata/seppelöidä luoda/tehdä pitää uskollisuuden/pysyä uskollisena/olla uskollinen tehdä oikeus/hankkia oikeus
творяшай суд (совершающий суд)	
даюшай (-ий) изволивый (благоволивший) вочеловечившайся (-ийся) распять поправый (поправший) спрославляемый (прославляемый) плачушай (-ий) алчушай (-ий) жаждушай (-ий) воплотившайся (-ийся) страдавшай (-ий) погребенный воскресшай (-ий) возшедшай (-ий) грядущай (-ий) животворяшай (-ий) исходящий поклоняемый славимый глаголавший	antaa tahtoa tulla/syntyä ihmiseksi ristiin naulittu rikki polkenut kunnioitettava murheellinen isoova/isoava/jolla nälkä janoova/janoava/jolla jano tulla lihaksi kärsiä haudata nousta kuolleista mennä ylös/astua ylös olla tuleva eläväsitekevä (-tekijä) lähteä kumarrella kunnioittaa puhunut

Таблица 7. Преобразование причастий в переводах.

Итак, как мы видим, в русском варианте в некоторых случаях происходит замена причастий на глагольную форму, но, в большинстве своём, коррекция происходит только в отношении устаревшей морфологии той или иной лексемы.

Итак, сравнивая церковнославянский и русский тексты, можно заметить, что в многочисленные причастия действительного залога третьего лица исконного текста на *-ай-* в русском тексте приобретают окончание *-ий-*, что свидетельствует о лексико-словообразовательной коррекции. Вот некоторые из них: исцеляющей (-ий), избавляющей (-ий), венчающей (-ий), сотворившей (-ий), творящей (-ий), дающей (-ий), плачущей (-ий), алчущей (-ий), жаждущей (-ий), грядущей (-ий) и другие.

В финских вариантах **большинство причастий исконного текста видоизменяется в глагольные формы**: только 7 лексем из общего числа (27) преобразуется в часть речи, соответствующую оригиналу, т.е. *причастие* или *прилагательное*.

О характере произведённых видоизменений в финских переводах можно сказать, что и в данном случае мы, в основном, наблюдаем **лексико-семантические** видоизменения: в поздних переводах для выражения какого-либо понятия подбирается более адекватный, с точки зрения современного языка, вариант. Хотя, при таком «одомашнивании» текста многие понятия уже не воспринимаются как аутентичные языковые заимствования.

С другой стороны, в более раннем финском переводе 1910-го года приём прямого перевода или *форейнизации* используется довольно часто: *хранящий верность* – *"pitää uskollisuuden"*, или *творящий суд* – *"tehdä oikeus"*. Тенденция к «одомашниванию» текста, напротив, по нашему мнению, более свойственна последнему переводу (2011).

Особый интерес у нас вызвало преобразование, обнаруживаемое в части корпуса под названием «Третий изобразительный антифон» или «Заповеди Блаженств» на финском языке принято говорить о *"Autuudet"* («Блаженствах»).

(7)

цс4: Блажени **алчущии** и **жаждущии** правды, яко тии насытятся.

р4: Блаженны **алчущие** и **жаждущие** правды, ибо они насытятся.

ф1910-4: Autuaat ovat jotka isoovat ja janoovat vanhurskautta, sillä he ravitaan.

ф1955-4: Autuaita ovat ne jotka isoavat ja janoavat vanhurskautta, sillä heidät ravitaan.

ф2011-4: Autuaita ne, joilla on vanhurskauden nälkä ja jano: heidät ravitaan.

В вышеуказанном отрывке мы можем наблюдать типичную коррекцию устаревшей лексики. В исконном библейском тексте выделенные понятия фигурируют именно в форме *причастий*, играющие в предложении роль *подлежащего*, т.к. подразумевают личности людей. Из всех пяти текстов только в последнем финском варианте данное высказывание преобразовывается в более упрощённое с использованием существительных голод ("nälkä") и жажда ("jano") , описывающих состояние живого организма, в данном случае человека.

Данное видоизменение наталкивает на мысль, что используемые в ранних переводах глаголы *алкать* ("isota") и *жаждать* ("janota") приобрели характер устаревшей (церковной) лексики. Необходимо отметить, что подобного рода преобразование прежде всего связано с новым переводом Священного Писания, выполненным в 1992-м году.

5.4.4 Преобразование глаголов

В отношении преобразований глаголов, мы остановимся на описании лишь наиболее явных случаев коррекции. Необходимо опять же заметить, что в подавляющем большинстве случаев в поздних финских текстах не было произведено никаких существенных видоизменений, а так как нас интересует именно характер исправлений устаревшей лексики, то неизменённые варианты заведомо опускаются.

Церковнославянизмы	Русский вариант	Финские переводы
Благословить/блажить	благословлять/прославлять	kiittää/ylistää
хвалить	хвалить	kiittää/ylistää
петь	петь/воспевать	veisata/laulaa (soittaa)
погибнуть	погибнуть	kadota/raueta (tyhjiin)
решить	освободить	päästää irti/vapauttaa/päästä jstkin
возводить	поднимать	kohottaa/nostaa
хранить	хранить	varjella/suojella
быть помилованным	быть помилованным	saada laupeutta osakseen tulee laupeus / armahtaa
нарекаться	нарекаться	kutsua/saada nimi
поносить	поносить	pilkata/solvata/herjata
речить зло	злословить	puhua pahuutta/pahaa

Таблица 8. Преобразование глаголов в переводах.

Итак, при произведении повторных переводах в некоторых случаях прибегали к использованию *синонимов* тех или иных понятий. Сравнивая представленные выше варианты перевода, можно выявить, что основной характер изменений лежит как в «плоскости» **лексики**, например, в случаях *пети*-петь/воспевать (словообразов.), *возводить*-поднимать (собств. лексич.) или *речить* зло – злословить: в русском варианте данные архаизмы заменены синонимом;

так и **семантики**, например, устаревший церковнославянский глагол «*блажить*» (от сущ. «блаженство», *Полный церковно-славянский словарь*) был преобразован в совр. нейтрально торжественное «воспевать», также семантика церковнославянизма «*решисть*» в значении «освободить» может оказаться неясной современному носителю русского языка, и следовательно, устаревший глагол был заменен своим современным синонимом.

Ту же тенденцию можно было наблюдать и в финских переводах: устаревшее понятие преобразуется в более современный вариант, носящий то же значение. Преобразования такого рода произошли с глаголами «воспевать», «возводить» или «хранить» (соответственно *veisatalaulaa, kohottaa-nostaa, varjella-suojella*).

С другой стороны, мы можем наблюдать изменения, произведённые на основе устаревшей **семантической роли** той или иной лексемы. Наглядным примером этому служит типичный для библейской лексики глагол «благословить», т.е. по-русски «благословлять» или «прославлять», который в современном переводе на финский язык однозначно переводится соответствующим глаголом *”ylistää”*, а не *”kiittää”* (совр. «благодарить»), как ранее.

5.5 KAI-стиль

”И вошел Ной и сыновья его, и жена его, и жены сынов его с ним в ковчег от вод потопа...И усилилась вода на земле чрезвычайно, так что покрылись все высокие горы, какие есть под всем небом”.
Vanha Testamentti, I. Mooseksen Kirja, 7:7,19

”Ja Nooa ja hänen poikansa, vaimonsa ja miniänsä hänen kanssaan menivät arkkiin vedenpaisumusta pakoon... Ja vedet nousivat nousemistaan maan päällä, niin että kaikki korkeat vuoret kaiken taivaan alla peittyivät”.
Ветхий Завет, Книга Бытия, 7: 7,19.

Как уже выше отмечалось, замечательной особенностью библейского стиля (который выражен через древние языки, как греческий, так и иврит) является частое использование в текстах сочинительных союзов, в том числе союза «и». В работах российских лингвистов, в данном случае, говорят о «внешних сочинительных союзах», т.е. союзах, с которых

начинается построение всей фразы, к таковым в русском языке относятся также союзы *да*, *а*, *же*.

Исследователь Т.М Николаева поясняет, что "для собственно книжной традиции, восходящей к старославянским, а через них и к греческим текстам, характерно начало на *и*, которое для греческих текстов соотносится с тем, что именуется КАІ-стиль". (Т.М. Николаева, 1997,с.9). В книгах Нового Завета этот стиль особенно ярко выражен, а потому, естественно, что использование данного языкового элемента переходит и в традицию церковной гимнографии, как греческой, так и славянской, придавая тексту, по мнению специалистов, особую упорядоченность, плавность и ощущение неразрывности.

Того же мнения придерживаются и западные исследователи, замечая, что соединительные слова "связывают между собой мысли...Они так распространены, что их отсутствие часто имеет значение для толкования...союзы и соединительные слова указывают на направление мысли автора". (Дан Х., Мэнтей Д. 1927)

Для нас, с точки зрения анализа собственного корпуса, было особенно интересным пронаблюдать за тем, как преобразовывается использование вышеуказанного стиля в более современных финских переводах. Как отмечалось ранее, членом переводческой комиссии ФПЦ П.Саарикоски, КАІ-стиль отнюдь не характерен для финского языка, а является особенностью церковной лексики.

Для начала укажем общее число использования в текстах сочинительного союза «и» / «ja». Его наличие прослеживается в следующей таблице.

Церков.-слав.	Русский	Фин.1913	Фин. 1955	Фин.2011
67	70	57	57	56

Таблица 9. Наличие в текстах сочинительного союза "и".

Как видим, различие в употреблении соединительного союза в русском и финских текстах довольно значительно; но сравнивая между собой именно финские переводы, мы замечаем, что использование союза «и» численно практически идентично. Это наблюдение просто свидетельствует о постоянстве переводческого подхода, хотя некоторые видоизменения также наблюдались: например, преобразование соединительного союза исконного текста в противительный союз «но» («mutta») или другие соединительные слова.

Теперь нам необходимо проследить какая тенденция присутствует в сохранении именно того «внешнего сочинительного союза и», о котором велась речь в начале. В соответствии с данными нашего корпуса его использование в разных переводах имело свои особенности: наиболее ощутимые приведены ниже.

	Цер.- слав.	Русский	Фин.1913	Фин.1955	Фин.2011
«З. ант-н»	1	1	-	-	-
«Херув.»	-	-	-	1	1
«С. Веры»	5	5	5	4	-
«М. Гос.»	-	-	-	1	1

Таблица 10. Наличие в текстах "внешнего" сочинительного союза "и".

Как можем наблюдать, особенно ощутимое преобразование КАИ-стиля происходит в шестом песнопении нашего корпуса «Символе Веры». Тенденция к стилевой симметрии прослеживается как в русском, так и в двух более ранних финских вариантах.

Другой видение вопроса обнаруживается в последнем финском переводе: там, где в оригинальном варианте в начале того или иного предложения присутствует *внешний сочинительный союз «и»*, переводческая комиссия предпочитает преобразовать данные варианты заменяя союз, например, *сказуемым* или видоизменяя предложение в *сложносоставное с перечислением действий*. Далее мы приводим типичный пример такого преобразования.

(8)

цсб: Символ Веры - **И** паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Егоже Царствию не будет конца.

рб: Символ Веры - **И** паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Егоже Царствию не будет конца.

ф1910-6: Uskontunnustus - Ja on taas kunniassa tuleva tuomitsemaan eläviä ja kuolleita, jonka valtakunnalle ei loppua tule.

ф1955-6: Uskontunnustus - Ja on taas kunniassa tuleva tuomitsemaan eläviä ja kuolleita ja jonka valtakunnalle ei loppua tule.

ф2011-6: Uskontunnustus - ja on kirkkaudessa tuleva tuomitsemaan eläviä ja kuolleita ja jonka valtakunnalla ei ole loppua.

Итак, в последнем финском переводе сохранение лаконичности всей фразы происходит за счёт синтаксических трансформаций, которые, не влияя на общий смысл текста, упрощают особенности библейского стиля; это вполне соответствует принципам функционального подхода к переводу.

Хотя о полной редукции этой традиционной особенности библейского стиля говорить нельзя, потому что в двух текстах корпуса «Херувимской песне» (5) и «Молитве Господней» (9) примеры сохранности КАИ-стиля всё же присутствуют.

5.6 Имена собственные и нарицательные: соотношения в переводах

Теперь мы коснёмся ещё одного, по нашему мнению, важной стилистической особенности исследуемого корпуса текстов, а именно, выделением центральных смысловых единиц прописью (П). Вообще, такая стилевая особенность сакральных текстов присуща им повсеместно, и в Греции, и в России и, то недавнего времени такова была тенденция и в Финляндии.

Необходимо пояснить, что на сегодняшний день существуют чёткие правила как в русском, так и в финском языках, в отношении написания *имён собственных*. Итак, в соответствии с правилами современного русского языка можно выделить несколько общепринятых норм. Итак, сакральные понятия выделяются прописью в следующих случаях:

- " имена Божии лиц Святой Троицы (Бог Отец, Бог Сын, Бог Святой Дух) " и, наряду с этим, имя, относящееся к Матери Божией, т.е. Богородица;
- также все те слова, которые замещают вышеуказанные понятия, являясь их аналогами, т.е. такие понятия как Господь, Спаситель, Создатель, Всевышний, Творец;
- таким же образом понятия Царица Небесная, Пречистая Дева, Пресвятая Дева, Матерь Божия;
- кроме вышеизложенных прописью пишутся "все прилагательные, образованные от слова Бог, например: благодать Божия". (Розенталь, 1999).

Совершенно понятно, что и в финском языке применяются общие грамматические правила, т.е. *имена собственные* выделяются на письме при помощи заглавной буквы. Результатом влияния как общемировой, так и преобладающей в Европе христианской церковной традиции написание не только имён собственных как *Христос* (*Kristus*) или *Дева Мария* (*Neitsyt Maria*), но и таких личностных понятий как *Бог* (*Jumala*), *Вседержитель* (*Kaikkivaltias*), *Господь*

(*Herra*) или *Святой Дух* (*Pyhä Henki*) также производится при помощи выделения их заглавной буквой. (Eronen, Moilanen, 2003: перевод автора).

В этом естественным образом прослеживается почтительное отношение к предмету темы и подчёркивается его личностность. В этом отношении орфографические правила о написании интересующих нас имён собственных не претерпели особых изменений.

В нашем же случае необходимо учитывать и церковную традицию, которая, как уже ранее рассматривалось, никогда не была напрямую зависима от общих языковых тенденций, т.е. шире таковых. Исходя из чего, далее предлагаются некие общие, предварительно сгруппированные данные каждому из текстов корпуса.

Стоит также отметить, что нами не будут приниматься во внимание те случаи, в которых идёт речь о написании первого слова нового предложения, которое общепринято начинать с заглавной буквы.

	имена сущ.- ые собствен- ые	имена сущ.- ые нарицательные	местоимения/ числ-е	имена прилагательные
цс	90	23	39	26
русский	91	23	37	18
финский 1910	91	8	13	6 (7)?
финский 1955	88	6	31	6
финский 2011	84	1	-	6

Таблица 11. Наличие прописи в текстах.

В первых двух текстах мы видим большую однородность в отношении написания сакральных имён и понятий с прописной буквы. Высокочастотная повторность характерна как для имён существительных собственных, о правописании которых уже упоминалось выше; так и в отношении выделения нарицательных сущ-х под которыми подразумеваются именно сакральные понятия, вот они: *Царство, Царь, Херувимы, Серафимы, Свет, Писания, Церковь, Тело, Кровь, Таинства/Тайны, Источник.*

Далее, как в оригинале, так и в русском тексте прописью были указаны не только личные местоимения (например, *Меня*, *Тебя*) или притяжательные местоимения (например, *Твоя*, *Его*), но и указательные, такие как, например, *Который*.

В написании имён прилагательных уже были ощутимы разночтения: прописью в обоих текстах были обозначены, например, такие прилагательные сакрального характера, как, *Божий*, *(Три) Святой* (если о личности), *Небесный*, *Единородный*, *Животворящий*. В случае написания таких прилагательных как, *соборный*, *апостольский* или *божественный* прописная буква в русском варианте отсутствовала.

Анализ финских вариантов представляется чрезвычайно интересным ввиду тех значительных преобразований, которые претерпевает текст из перевода в перевод, особенно в отношении того аспекта, который мы исследуем в данном случае. Выделение прописью собственных имён существительных и в финских переводах сохраняется. Можно предположить, что это связано с их соответствием грамматическим нормам современного финского языка.

С другой стороны, на основе данных мы замечаем, что количественное соотношение выделенных лексем практически идентично оригиналу в более раннем финском варианте 1910-го года (**91** лексема), а далее происходит их некоторое сокращение: **88** единиц в переводе 1955-го года, **84** единицы в последнем переводе.

Основная коррекция была произведена в отношении *имён существительных нарицательных*, *местоимений* и *имён прилагательных*, потому на этих аспектах мы остановимся подробнее.

- 1) Выделение прописью *нарицательных имён существительных*, имеющих сакральный смысл невелико уже как в раннем финском переводе (8), так и последующем (6), например: *Царь* (**Kuningas**), *Свет* (**Valkeus**), *Церковь* (**Seurakunta**), *Тело* (**Ruumis**), *Кровь* (**Veri**) и *Причастие* (**Ehtoollinen**). В последнем тексте такая стилистическая особенность ликвидируется практически полностью с единичным исключением (*Царь/Kuningas*).
- 2) Интересно, что наибольшее количество *местоимений* сакрального характера, выделенных прописью, фигурирует в тексте 1955-го года. Вероятно, переводческая комиссия работала над возвращением этой стилистической особенности оригинала в

финский эквивалент, т.к. мы можем наблюдать их высокую идентичность друг другу: **39** лексем в оригинале, **37** в русском переводе и **31** в финском 1955-го года. В последнем финском тексте такой стилистический элемент полностью отсутствует.

Далее предлагаем для рассмотрения пример, в котором описанная выше коррекция стиля последнего финского перевода особенно заметна: это отрывок из ”Молитвы святого Иоанна Златоустого”, которая в нашем корпусе текстов фигурирует под номером 10.

(9)

цс10: Еще верую, яко сие есть самое пречистое **Тело Твое**, и сия есть самая честная **Кровь Твоя**.

р10: Ещё верую, что это – самое пречистое **Тело Твоё**, и это – самая драгоценная **Кровь Твоя**.

ф1913-10: vielä uskon, että tämä sama on sinun puhtain Ruumiisi ja tämä sama on sinun kallis Veresi;

ф1955-10: Vielä uskon, että tämä sama on Sinun puhtain Ruumisi ja tämä sama on Sinun kallis Veresi.

ф2011-10: Vielä uskon, että tämä on sinun puhtain ruumiisi, ja tämä sinun kallis veresi.

Как наглядно видно из этого отрывка, ранее и для финских переводов было характерно выделение как имён нарицательных сакрального характера так и местоимений.

Далее представлен ещё один вариант сходного понимания сакрального смысла текста русскими и финскими переводчиками. Этот отрывок находится в восьмом по счёту тексте нашего корпуса.

(10)

цс8: Достойно есть - без исления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу **Тя** величаем.

р8: Достойно есть - девственно Бога-Слово родившую, истинную Богородицу – **Тебя** величаем.

ф1910-8: Totisesti on kohtuullista - **Sinua**, puhdas Neitsyt, Sanan synnyttävä, **Sinua**, totinen Jumalansynnyttävä!

ф1955-8: Totisesti on kohtuullista - **Sinua**, puhdas Neitsyt, Sanan synnyttävä, **Sinua**, totinen Jumalansynnyttävä.

ф2011-8: Totisesti on kohtuullista - sinua, puhdas Neitsyt, Sanan synnyttävä, sinua, totinen Jumalansynnyttävä.

Как видим, и в данном отрывке сохраняется сродное понимание церковного контекста и соответствующее соблюдение его путём выделения сакрального местоимения, указывающего на Богородицу, прописью. В последнем финском переводе такой тенденции нами не было отмечено.

Последнее значительное преобразование, описываемое в нашем исследовании, связано с выделением прописной буквой прилагательных сакрального характера. Такая стилевая особенность текста, как пояснялось выше, встречается реже в русском переводе, но в финских вариантах её присутствие допускается, в основном, при упоминании такого сакрального понятия как Святой (**Pyhä**), которое, в данном случае, является частью имени собственного, а именно именем одной из личностей Святой Троицы, Святого Духа.

6. Выводы

В данной заключительной части исследования будут предложены некоторые общие выводы относительно:

- 6) стиливых особенностей текстов переводов;
- 7) их лексических особенностей;
- 8) сопоставимости переводов с их оригиналом;
- 9) подтверждения т.н. *Retranslation theory*;
- 10) степени "одомашнивания" последнего финского перевода.

Первым вопросом анализа было чисто прагматическое сопоставление количественного соотношения языковых единиц оригинального текста, которым в нашем случае был обработанный текст на церковно-славянском языке, с текстами переводов. На основе данных выяснилось, что именно последний финский вариант оказался наиболее длинным (869 лексем), а два предыдущих перевода практически идентичны друг другу в данном аспекте. Таким образом, мнение, выражаемое в том числе и в т.н. *теории переперевода*, о большей лаконичности повторных переводов не было подтверждено.

Далее я рассматривала стилистические особенности текста и их преобразования в переводах: прежде всего это касалось таких явлений как инверсия и использования определённой пунктуационной манеры (восклицательный знак).

В нашей работе феномен *инверсии* был связан с соответствием или несоответствием исследуемого варианта синтаксическому строению фразы оригинала. Перефразирование было обнаружено в текстах разных вариантов, потому вывод, о том, является ли перевод 1910-года более фореинизированным необходимо подтвердить дополнительными исследованиями.

Итак, приём компенсирования торжественности слога церковно-славянского текста активно используется как русскими переводчиками, так и переводческой комиссией, работавшей над финским переводом в 1910-м году. Причём, количество компенсации выразительности текста путём использования *восклицательного знака* в этом переводе даже выше, чем в русском эквиваленте (12/9). В более позднем финском варианте такой стилистический приём полностью отсутствует, а в последнем встречается только два раза.

Таким образом, стремление к сохранению торжественности стиля таким путём также постепенно ретушируется при создании перепереводов: в этом случае последующие тексты менее "форенизированы".

Стремление к "доместикации" текстов является более ощутимым, при анализе тех коррекций, которые производятся в финских текстах в отношении заимствованной и устарелой лексики. Изменения заимствованной лексики были, прежде всего, связаны с фонетикой некоторых заимствованных лексем, а именно, происходило удлинение той или иной гласной или упразднение согласных в переводах 1955-го и 2011-го годов.

Можно предположить, что целью такого рода преобразований было стремление приблизить произношение определённых понятий к изменившейся финской языковой норме. Написание этих понятий в раннем финском тексте полностью соответствует как русскому, так и церковно-славянскому тексту. Необходимо также отметить, что именно перевод 1910-го года в этом аспекте более соответствует и общебиблейской традиции.

Особо подробно, как констатировалось ранее, в работе был представлен анализ характера преобразований устаревшей лексики. На основе сравнительного анализа языковых единиц стало возможным сформулировать некоторые общие черты произведённых коррекций. Как правило, устаревший вариант компенсировался современным аналогом, такое происходило в отношении всех исследуемых частей речи.

Кроме лексических, как русском так и в финских аналогах, в ряде случаев были зафиксированы и семантические видоизменения, например, термину, более не употребляющемуся в конкретном значении, подбирался подходящий современный синоним. Особенно примечательны были коррекции языковых единиц словообразовательного характера: в случаях, где сама форма слова была сочтена устаревшей происходило преобразование данной языковой единицы в соответствии с её современной фонетикой или морфологией (например, в связи с видоизменением суффикса или окончания слова).

Существенной коррекции в последнем переводе (2011), на основе нашего исследование, были подвержены две особенности церковного стиля, такие как:

- 1) **исконный KAI-стиль**: предложения, начинающиеся с сочинительного союза "и" были преобразованы в сложносочинённые предложения; но стоит отметить что подобного рода преобразования было особенно ярко выражено в тексте "Символа Веры" ;
- 2) и **выделение прописью сакральных понятий**: в последнем переводе практически полностью ретушируется пропись в отношении нарицательных имён существительных и местоимений.

Из вышесказанного следует, что с точки зрения стиля первый (1910) и второй (1955) финские варианты стремятся к сохранению торжественности аутентичного восприятия текста: способы могут быть несколько отличны. С другой стороны, существенная "доместикация" оригинального текста в элементах стиля более явно прослеживается в последнем финском варианте (2011), как и было представлено выше. Таким образом, воздействие современных конвенций финского языка на текст, созданный в лоне Церкви, ощущается значительнее.

В отношении самой лексики можно отметить, что естественный процесс обновления устаревшей лексики более прослеживается в двух последних переводах, а особенно, в тексте 2011-го года. Это, по - видимому, связано с коррекцией текста в соответствии с последним финским переводом Священного Писания, выполненном в 1992-м году. Таким образом, стало понятно, что для произведения более широких изысканий в данном переводческом аспекте необходимо произвести дополнительные исследования.

Уже в ходе данного, в большой степени узкого анализа лексических единиц и их преобразований в переводах очень часто возникала потребность в использовании дополнительных источников, что, в значительной мере расширяло поле исследования. Произведённый сравнительный анализ охватывал сравнительно большой материал, и потому его семантический аспект был изложен в чрезвычайно краткой форме, а потому это позволило определить только некоторые общие парадигмы без чёткой конкретизации сущности конкретных преобразований.

Можно предположить, что для того, чтобы выявить переводческие закономерности, необходимо располагать и большими сведениями о работе самих переводческих комиссий.

Необходимо всё же отметить, что во многом тексты обладают чрезвычайно высокой степенью соответствия друг другу. Хотя, я располагала только одним русским вариантом, который в высшей мере соответствовал оригиналу на церковнославянском, и потому не имела возможности сопоставить, например, несколько русских текстов между собой. Вполне возможно, что для некоторых русских вариантов, также характерна, например, коррекция устаревшей лексики, потому как такая тенденция является общей для перевода в целом.

Несомненно, те выводы, которые были изложены выше опираются, в большинстве своём, только на собранный мною материал. Все пять переводов являются, хотя и точными, но переводами оригинального текста. Я считаю, что для более точной конкретизации переводческих тенденций, нам было бы необходимо добавить в контекст изучения перепереводов как несколько русских, так и финских аналогов разного периода.

На основе данного исследования *теория переперевода* (Retranslation theory) не получила подтверждения, за исключением отдельных стилевых элементов, потому необходимо проведение дополнительных, более развёрнутых исследований. Кроме того, как известно, церковная традиция перевода более привержена сохранению внутреннего постоянства и, вполне возможно, что теории, в основе исследовательского материала которых лежит именно художественный текст, не дадут однозначного результата при анализе церковных текстов.

Конечно, элементы одомашнивания присутствуют в последнем варианте явно, особенно на уровне стиля, но, например, более точное подтверждение *теории переперевода*, по нашему мнению, необходимо сверять и с различными финскими переводами Священного Писания.

Всё же, опираясь и на мнение, самих редакторов последних двух финских текстов, можно заключить, что осязаемое соответствие более ранних финских аналогов церковнославянскому тексту прослеживается на многих уровнях.

Здесь следует отметить, что количественные данные того или иного рода в ходе анализа были определяемы мною мануально, а это могло привести образованию некоторых погрешностей, которые объясняются только наличием т.н. *человеческого фактора*. Всё же серьёзные количественные разночтения давали основу для констатации того или иного ярко выраженного явления в текстах переводах, в особенности их стилевых особенностей. В

отношении лексических преобразований, как уже отмечалось ранее, необходимо проведение дополнительного анализа.

Необходимо учитывать и тот факт, что исследуемый корпус текстов – это песнопения. В результате значение текста усиливается мелодией, на которую он будет налагаться. Но исследование соотношения текста и его музыкального оформления, благозвучности, и изменению таковой, в связи с преобразованиями последнего финского перевода, явно выходит за пределы моей компетенции. Можно предположить, что члены переводческой комиссии, учитывая эту особенность, старались производить минимальное количество преобразований, многие из которых не воспринимаются на слух. Очевидно, что значительные текстовые преобразования, если бы таковые имелись, привнесли бы ощутимый диссонанс в звучание всей композиций.

7. Библиография

Исследовательский материал

Liturgia (neliäänisesti). 1913. Toim. Kr.-Katolisen Kirkon Jumalanpalveluskirjain Suomensos-komitea. Jyväskylä.

Liturgia ja hetkipalveluksen laulut. 1955. Toim. Ortodoksisen kirjallisuuden julkaisuneuvosto. Pieksämäki.

Православное Богослужение: Переводы Богослужебных книг. <http://azbyka.ru/bogoslužhenie/liturgiya/lit02.shtml>

Pyhän isämme Johannes Krysostomoksen jumalallinen liturgia. 1910. Sortavala

Pyhän isämme Johannes Krysostomoksen jumalallinen liturgia. 1942. Toim. Suomen kreikkalaiskatolisen kirkon jumalanpalvelus- ja oppikirjain suomennos- ja toimituskomitea. Helsinki.

Ortodoksinen hartauskirja. 2010. Toim. Ortodoksisten nuorten liitto ONL ry. Joensuu.

Научная литература

Войнич И.В. 2010. Стратегии лингвокультурной адаптации художественного текста при переводе.

Дан Х., Мэнтей Д. 1927. Справочник по грамматике греческого Нового Завета.

Десницкий А. 2015. Библейский перевод: сочетаемость слов и идиоматика. <http://www.bogoslov.ru/text/3248989.html>.

Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Крысин Л.П. 2004. Русский язык. «Академия». Москва.

Керн К. 1995 (1947). История литургии. Типы Литургий. Евхаристия. YMCA-Press. Париж. с. http://krotov.info/library/11_k/er/n_1.htm.

Лези, Е. 2015. Лексические различия между первым переводом и перепереводом десяти рассказов Антона Чехова.

Мартынов В. 1994. История богослужебного пения: учебное пособие. с. 11-49. http://krotov.info/libr_min/13_m/ar/tynov_v_001.htm.

Николаева Т.М. 1997. Сочинительные союзы а, но, и: история, сходстве, различия.

Такала-Рощенко М. 2008. Богослужебное пение в Православной церкви Финляндии. <http://www.academia.edu/>

Швейцер А.Д. 1988. Теория перевода. Издательство "Наука". Москва. с. 7,42, 92-99.

Baker, M. 2000. Towards a Methodology for Investigating the Style of a Literary Translator. *target* 12 (2), 241-266.

Desmidt, I. 2009. Retranslation Revisited. *Meta*. vol 54 (4), 669-683.

Eskola J., Saloranta, J. 2015. Johdatus laadulliseen tutkimukseen. Kustannusyrhtiö Vastapaino. Tampere.

Glassman E.H. 1981. The Translation Debate, What Makes a Bible Translation Good. Intervarsity Press. United States of America.

Itkonen T. 2007 (1982). Uusi kieliopas. Gummerus Kirjapaino Oy. Jyväskylä.

Kärkkänen T. 2008. Kirkon historia: ortodoksin käsikirja. Jyväskylä.

Nida, E. A. 1964. Toward a Science of Translating. With special reference to principles and procedures involved in Bible translating. Leiden, Netherlands. 155-156.

Paavali, arkkipiispa. 1982. Katsaus kirkkolaulun historiaan. Teoksessa Ortodoksinen kirkko Suomessa. Valamon luostari. Heinävesi. s. 338-351.

Paloposki, O. 2010. Domestication and foreignisation. Teoksessa Handbook of translation Studies. 41-42.

Paloposki, O., Koskinen, K. 2004. Thousand and One Translating. Retranslation Revisited teoksessa Hansen, G., Almkjaer, K., Gile, D. (toim.) Claims Changes and Challenges in Translation Studies. Amsterdam Benjamins.

Saarikoski P. 1942. Ehdotus suomenkielisen käännöksen korjaukseksi. Teoksessa Pyhän isämme Johannes Krysostomoksen jumalallinen liturgia. Toim. Suomen kreikkalaiskatolisen kirkon jumalanpalvelus- ja oppikirjain suomennos- ja toimituskomitea. Helsinki.

Sidoroff M. 1982. Kirkolliset toimitukset. Teoksessa Ortodoksinen kirkko Suomessa. Valamon luostari. Heinävesi. s. 209-241.

Synaksarion: marraskuu. 2004. Toim. munkki Serafim, Gummerus Kirjapaino Oy, Jyväskylä, s. 192-199.

Venuti, L. 1997. The Translator's Invisibility: a history of translation. Taylor & Francis. United Kingdom.

Vilkka, H. 2007. Tutki ja mittaa: määrällisen tutkimuksen perusteet. Helsinki.

Virolainen W. 2010. Suomenkielisen Liturgian kehitys. <http://docplayer.fi/9860645-Suomenkielisen-liturgian-kehitys.html>.

Savolainen E. 1998. Kirjasuomen kehitys. <http://sokl.uef.fi/aineistot/Aidinkieli/kirjasuomi/>.

Справочная литература

Большой русско-финский словарь/Venäläis-suomalainen suursanakirja. 1972. Toim. Kuusinen M., Ollikainen V. Porvoo.

Вахрос И., Щербаков А., ред. Олликайнен В., Сало И. 1995. Финско-русский словарь. А/О Вернер Сёдерстрём. Порвoo.

Дьяченко Г. 1975 (1899). Полный церковно-славянский словарь. Москва. Reprinted by JUH.

Нюстрем Э., ред. Свенсон И.С. 1980. Библейский словарь. Торонто, Канада.

Лопатин В. В. 2006. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. <https://orfogrammka.ru/справочник/>.

Махонь С. В. 2008. Устаревшая лексика и словари устаревших слов. Опубликовано в сборнике материалов "Филолог", с. 13-16. Мн., Нио.

Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. 1999. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. ЧеРо, Москва.

Поиск по симфонии для Библии. 2007-2016. <http://www.bible.by/symphony/search/>

Eronen R., Moilanen R. 2003. Käytännön ohjeita alkukirjaimen valintaan. <http://www.kielikello.fi/index.php?mid=2&pid=11&aid=1456>.

Finbible: Suomalaisia Raamatunkäännöksiä. 2015. <http://www.finbible.fi/>.

8. Lyhennelmä

Johannes Krysostomoksen liturgian veisujen uuden käännöksen tyyli ja sanasto

1. Tutkimuskysymys, metodologia ja korpuksen sisältö

Tässä työssä käsittelen Johannes Krysostomoksen liturgian veisujen uudelleen kääntämistä. Tämä tutkimus jatkaa kaksi vuotta sitten valmistunutta kandidaattityötäni, jossa vertailin Valitusvirsien uutta käännöstä muun muassa sen runollisuuden ja sanatarkkuuden osalta.

Pro - gradussani keskityn lähinnä analysoimaan viimeisimmän käännöskomitean suosimaa käännöstapaa: varsinkin funktionaalisen metodin vaikutusta veisujen uuteen käännösversioon. Oletan, että uusimman käännöstyön kotouttamisaste on huomattavasti suurempi verrattuna edellisiin käännöksiin.

Minua toisaalta kiinnostaa niin sanotun Retranslation theoryn todeksi havaitseminen omaa tutkimusaineistoani käyttäen. Kyseistä teoriaa ovat korostaneet suomalaiset tutkijat Outi Paloposki ja Kaisa Koskinen (2004). Lyhyesti sanottuna oletetaan, että uudelleenkäännös palvelee alkuperäisen tekstin erikoisominaisuuksia paremmin kuin ensimmäinen käännös. Otan työssäni selvää, pitääkö kyseinen näkemys paikkansa, kun kyseessä ovat sakraalitekstit, tässä tapauksessa kirkkoveisut.

Metodologiselta kannalta tässä vertailuanalyysissä oli käytettävä sekä *määrällisen* että *laadullisen* tutkimuksen periaatteita.

2. Liturgiset aspektit

Liturgia (kreik. *julkinen virantoimitus, tehtävä, palvelus*) on ”yleinen ja yhteinen jumalanpalvelus, jossa vietetään pyhää Ehtoollista, eukaristiaa”. (Sidoroff, 1982).

Liturgiasta on käytetty esimerkiksi seuraavia nimiä: ”κυριακόν δεῖπνον (Herran Illallinen), κλάσις τοῦ ἄρτου (leivän murtaminen), προσφορά (uhrin esiin kantaminen), ἐπίκλησις (anomien), Coena (Illallinen), Mensa Domini (Herran Ateria), oblatio (esilleasettaminen). (Kern, 1947).

Historiallisista syistä liturgiapalvelus jaetaan tyypiltään lännen (roomalainen, gallialainen, espanjalaisgoottilainen) ja idän (syyrialainen, egyptiläinen, persialainen, bysanttilainen) liturgioihin.

2.1.1 Bysantin, Venäjän ja Suomen liturginen tyyli

Uuden Testamentin kieli eli kreikka oli antiikin maailman pääkieli ja näin olleen myös pääroolissa liturgian kannalta. Tyyliiltään bysantilainen liturgia kreikan kielellä siirtyi Venäjän ortodoksisen kirkon käyttöön, ja sieltä ennen kaikkea Karjalan kautta nykyiseen Suomen ortodoksiseen kirkkoon. Kuuluisimpia bysantilaisia liturgioita ovat yleisemmässä käytössä oleva *Pyhän isämme Johannes Kryssostomoksen jumalallinen liturgia* sekä harvemmin (vain 10 kertaa vuodessa) käytetty *Pyhän isämme Basileios Suuren jumalallinen liturgia*.

Yleisesti ottaen liturgia on kolmiosainen kokonaisuus (proskomidi, opetettavien sekä uskovaisten liturgia), jossa ovat erotettavissa seuraavat vaiheet: kokoontuminen, Sanan liturgia, prosfora (uhrin esiin kantaminen), anafora (uhrin ylentäminen), Ehtoollinen ja paluu maailmaan. (Sidoroff, 1980, s. 218-221). Näin ollen, kyseisiä liturgisia osia on sekä venäläisessä että suomalaisessa liturgisessa traditiossa.

2.1.2 Kirkkolaulun vaiheet Suomessa

Suomalainen kirkkomusiikin tutkija ja professori Maria Takala-Roszhenko artikkelissa ”Kirkkolaulu Suomen ortodoksisessa kirkossa” (2008) kuvaa muun muassa jumalanpalveluselämän kehitysvaiheita Suomessa. Ensimmäisiä seurakuntia Karjalassa oli jo 1200-luvulla Käkisalmen johtuen muun muassa lähellä olevien luostareiden, esim. Valamon luostarin, vilkkaasta toiminnasta. Laulutyyli oli perinteistä venäläistä ns. *znamennyj*-sävelmää mutta myös *kiovalaista* ja muita tyyliä. Tekstit olivat kirjoitettu kirkkoslaaviksi, mikä myöhemmin osoittautui erityisen ongelmalliseksi, sillä paikalliselle väestölle kyseinen kieli oli enemmän tai vähemmän vieras. (Takala-Roszhenko, 2008).

Ensimmäinen *Johannes Kryssostomoksen ja Basileios Suuren liturgioiden* käännös suomenkielelle tehtiin Pietarissa vuonna 1862 eli vähän aikaa sen jälkeen, kun Suomi liitettiin Venäjän keisarikuntaan. Kääntäjänä toimi seminaarin suomen kielen opettaja Tuomas Friman. Tämän jälkeen tehtiin lukuisia uudelleenkäännöksiä tai -korjauksia, esim. seuraavaksi tekstejä päivitteli ortodoksipappi Sergei Okulov jo parikymmentävuotta myöhemmin. (Virolainen, 2015).

Käännös on jälleen tarkistettu vuonna 1942 ja vuonna 1955 ilmestyi virallisesti korjattu ja nykyaikaistettu käännösversio. Viimeinen uudelleenkäännös suoritettiin vuonna 2011 Suomen

ortodoksisen kirkon käännöskomitean toimesta. Osasyynä siihen oli vuonna 1992 tullut uusi Raamatun käännös.

3. Käännösteoriat ja sakraalitekstin uudelleenkäyttäminen

E. Nida taitaa olla ensimmäinen kääntäjä, jonka formaalisen käännöstävän ylivoimaisuus ja käytännön käännösongelmien yhteensopimattomuus johdattivat ajatukseen käännösvastaavuudesta eli funktionaaliseen käännöstävän kehittämiseen. Sitten 30 vuotta myöhemmin yhdysvaltalainen tutkija L. Venuti kiinnostui ajatuksesta kääntäjän näkyvyydestä käännöstekstissä. Hän otti käyttöön sellaiset käsitteet kuin vieraannuttava (formaalinen) käännös ja kotouttava (funktionaalinen) käännös.

Kääntäjien maailmassa näiden kahden strategioiden välillä ei tehdä jyrkkää jakoa. Ajatellaan, että käännös on kuitenkin tietty kompromissi niiden välillä. Venäläinen tutkija I. Voinich sekä muut tätä näkemystä puolustavat asiantuntijat, muun muassa viimeisen Raamatun käännöskomitean suomalaiskääntäjät, usein käyttävät sellaista termiä kuin ”*kultaisen keskitien*” strategia.

Nykyään moni asiantuntija on sitä mieltä, että kääntämisen tulos on relatiivinen: silloin kun se ei vasta tietyn lukijakunnan odotuksia, se on uudelleenkäännettävä tai korjattava (Desmidt, 2009: oma käännös). Tämän lisäksi jo edellä mainitun *uudelleenkäntämisen hypoteesin* mukaan uudelleenkäänöksessä kääntäjä pyrkii jäljittelemään alkutekstin eri tasoja tarkemmin kuin ensimmäisessä käännöstekstissä.

Käännöstekstien moniäänisyyttä tuodaan esille muillakin keinoilla, esimerkiksi englantilainen tutkija M. Baker halusi tutkimuksissaan kiinnittää huomiota nimenomaan yksittäisen kääntäjän valitsemiin käännösratkaisuihin, jotka paljastuvat myös varsinaista tekstiä ympäröivistä elementeistä kuten, esimerkiksi alku- ja loppusanoista. Hänen mielestään metodologian kehityksen kautta saadaan irrotettua käännöstekstistä sekä kääntäjän omalaatuisen tyylin ominaispiirteet sekä alkutekstin tyyllivivahteet. (Baker, 2000: oma käännös).

Strategioiden selvittely tavalla tai toisella tulee esille tutkimukseni analyysiosiossa. On muistettava kuitenkin, että sakraalitekstien käännöslaatu määräytyy ennen kaikkea aiheen oikean tulkinnan perusteella. Tämän takia alan ammattilaiset, kuten yhdysvaltalainen raamatuntutkija J. Glassmann,

painottavat kontekstin relevanttia ymmärtämistä: tällöin käännösstrategian valinta palvelee nimenomaan tätä tärkeintä päämäärää. (Glassmann, 1981).

4. Vanhan sanaston luokittelu

Laadullista tutkimusta varten minun oli löydettävä ne kriteerit, joita käyttäen sanaston muutoksia pystyy luokittelemaan. Oletuksena oli se, että sanastomuutokset koskevat ennen kaikkea arkaismeja eli vanhaksi tullutta sanastoa, tällöin minä selvitin, millä perusteella tehdään arkaaisten lekseemien korjaustyötä. Karkeasti ilmaistuna, jaottelulla on seuraavat pääluokat:

- a) foneettiset muokkaukset;
- b) painotavun vaihtoon liittyvät muokkaukset;
- c) morfologiset muokkaukset;
- d) sananmuodostukseen liittyvät muokkaukset;
- e) leksikaaliset eli sanastolliset muokkaukset;
- f) semanttiset muokkaukset.

Tätä jaottelua pohjana käyttäen selvittelen erisanaluokissa tapahtuneiden muutosten luonnetta ja tällöin käännösten muutosherkkyyttä verrattuna venäjännökseen. Käännösten tyyliominaisuuksien vaihtelua selvitän käyttäen jo määrällisen tutkimuksen periaatteita.

5. Vertailuanalyysin tuloksia

5.1. Lekseemien kokonaismäärä ja Retranslation theory

Alussa tuodaan esille joitakin yleisiä aspekteja kuten esimerkiksi tekstien lekseemien kokonaismäärä. Tämä on tärkeätä, koska yleisesti ajatellaan, että uudelleenäännöksen kuuluu olla helpommin luettavissa kuin sen aikaisemmat analogit eli sen on oltava lakonisempi. Käyttäen kvantitatiivisen analyysin periaatetta vertailin keskenään kaikkien viiden tekstin sanojen kokonaislukumäärää. Vertailu johti seuraaviin tuloksiin: kirkkoslaavivariantissa 841 sanaa, venäjännöksessä 848 sanaa, vuoden 1910 suomennoksessa 857 sanaa, vuodelta 1955 - 856 sanaa ja viimeisimmässä suomennoksessa (2011) 869 sanaa.

Kuten näemme, viimeinen variantti on pisin kaikista, näin ollen laskennallinen ero alkuperäiseen tekstiin on kaikista suurin eli 28 lekseemiä. Tämä on aika huomattava ero vaikka otetaankin

huomioon kielijärjestelmien eroavaisuuden vaikutus. Tällöin *uudelleenkääntämisen* hypoteesista johdettu oletus tässä vaiheessa ei tullut todetuksi.

5.2 Tyylin ominaisuudet

5.2.1 Käänteinen sanajärjestys (inversio)

Inversio eli käänteinen sanajärjestys on poeettisille teksteille hyvin ominainen. Tässä tapauksessa minä kuitenkin oletan ”tavanomaiseksi sananjärjestykseksi” alkutekstin eli kirkkoslaavilla kirjoitetun tekstin lauseenjäsenten asettelun ja käänteisinä pidän siitä poikkeavia asetteluja, jotka veisujen käännöksistä löytyvät.

Tässä tapauksessa tarkoituksena oli havainnoida käännöstekstien uskollisuusastetta suhteessa alkutekstiin tarkastellen nimenomaan alkutekstin sanajärjestyksen säilyttämistä. Vertailussa kävi ilmi, että paikoin ensimmäiset käännökset noudattavat hyvin tarkoin alkutekstin lauserakennemallia, mutta joissakin tapauksissa sitä ilmenee myös viimeisessä käännöksessä (2011). Tällöin, tulen johtopäätökseen, että tutkittavan lainalaisuuden (jos se pitää paikkansa) määrittäminen vaatii lisätutkimuksia.

5.2.2 Huutomerkin käyttö

Huutomerkki kuuluu käytetyimpien välimerkkien joukkoon, erityisesti kun tekstin sisältö on poikkeuksellisen juhlallinen tai huomiota herättävä. Sanakirjan mukaan lausahduksessa on oltava voimakasta emotioiden ilmenemistä kuten, esimerkiksi *huuto* tai *käsky*. (<https://www.cs.tut.fi/~jkorpela/kielikello/merkit.htm>).

Kirkkoveisuja lauletaan juhlavalla tavalla, mikä ilmenee kielessäkin. Venäjännöksessä kirkkoslaavin mahtavaa tyyliä korostetaan runsaalla huutomerkkien käytöllä mutta suomennoksissa tämä ominaisuus kokee radikaalimuutoksia, kuten havaitaan alla olevasta taulukosta.

<i>kirkkoslaavi</i>	<i>venäjännös</i>	<i>suomennos</i> <i>1910</i>	<i>suomennos</i> <i>1955</i>	<i>suomennos</i> <i>2011</i>
ei ilmene	9	12	ei ilmene	2

Taulukko 1. Huutomerkin esiintyminen alkutekstissä sekä käännöksissä.

Kuten nähdään yllämainitulla tavalla alkutekstin tyyliä jäljittelevät vain venäjännös ja korpuksemme ensimmäinen suomennos (1910). Myöhemmissä suomennoksissa kääntäjät ovat luopuneet tämän tyyppisestä tyylillisestä erikoisuudesta, viimeisen käännöksen kahta tapausta lukuun ottamatta.

5.3. Lainasanat

Sanojen tai termien lainaaminen on enemmän tai vähemmän yleinen ilmiö jokaisessa kulttuurissa. Luonnollisista historiallisista syistä johtuen, heprean tai kreikan kielillä tuotettu sanasto tuli laajalti erikielisten paikalliskirkkojen käyttöön. Näitä pysyviä lainatermejä on sekä venäjänkielisissä teksteissä sekä suomennoksissa. Tästä syystä vuonna 2013 ilmestyi *Ortodoksinen suomi-venäjä-suomi sanasto*, jonka tarkoituksena on moninaisten Suomessa käytettyjen kirkollisten lainasanojen jäljittely.

5.3.1 Foneettisia korjauksia

Käännösten lainasanaston korjauksia tapahtuu eri tasoilla. Fonetikassa niitä leimaavat joissakin tapauksissa vokaalien pidentyminen sekä konsonanttien supistaminen. Seuraavaksi esitän esimerkkejä molemmista. Vokaalien pidentyminen voidaan havaita sellaisissa kirkkosanastolle tyypillisissä ilmaisuissa kuten *aamen* (totuus), *Jeesus* (Jumalan Pojan nimi) sekä Siion (Jerusalem ”pyhä vuori”). Vertailussa tuli ilmi, että vain korpuksemme ensimmäisessä suomennoksessa (1910) kaikki nämä ilmaisut kirjoitetaan alkutekstin (kirkkoslaavi) mukaan eli pidentämättä vokaaleja, mikä on myös alkukielten tavan mukaista kirjoitusta. Tällöin sanat esiintyvät muodossa: Amen, Jesus, Sion. Myöhemmissä suomennoksissa ne korjataan nykyiseen muotoon.

Toinen mielenkiintoinen korjaus termistössä tapahtuu sanojen *kerubit* ja *serafit* kohdalla. Näillä termeillä ilmaistaan eri tehtäviä omaavia enkelten ryhmittymiä. Ensimmäisessä suomennoksessa nimet kirjoitetaan alkukielten sekä kirkkoslaavin mukaan, mutta myöhemmin kirjoitusmuodot korjataan nykysuomen kirjoitustavan mukaisiksi, kuten nähdään alla olevasta esimerkistä.

(1)

цс8: Достойно есть - Честнейшую **Херувим** и славнейшую без сравнения **Серафим**,
р8: Достойно есть - Честью высшую **Херувимов** и несравненно славнейшую **Серафимов**,
φ1910-8: Totisesti on kohtuullista - Me ylistämme Sinua, joka olet kerubimeja kunnioitettavampi
ja serafimeja verrattomasti jalompi,
φ1955-8: Totisesti on kohtuullista - Me ylistämme Sinua, joka olet kerubeja kunnioitettavampi
ja serafeja verrattomasti jalompi,
φ2011-8: Totisesti on kohtuullista - Me ylistämme sinua, joka olet kerubeja kunnioitettavampi
ja serafeja verrattomasti jalompi,

Edellä mainitut korjaukset ovat foneettisia. Tässäkin tapauksessa on selkeästi nähtävissä nykysuomen konventioiden noudattaminen, joka on funktionaalisen käännöstavan mukainen lähestymistapa.

5.3.2 Sanaston muita korjauksia

Kuten tiedetään, idiomaattisten ilmaisujen tarkka käännös on usein mahdottomuus niiden monimerkityksisyyden takia. Toisaalta ilmauksillakin on taipumusta vanheta ja niiden suora käännös voi suorastaan antaa väärän kuvan nykylukijalle. Tällaisten ilmaisujen muokkaaminen on tekstin sujuvuuden kannalta olennaista. Tutkimassani korpuksessa vanhahtavan ilmauksen korjaus tapahtuu tekstissä nimeltä *Uskontunnustus* (6). Alhaalla on esitetty suomennosten vaihtoehdot.

(2)

цсб: Символ Веры - И возшедшаго на небеса, и сидяща **одесную Отца**.

рб: Символ Веры - И восшедшего на небеса, и сидящего **справа от Отца**.

φ1910-6: Uskontunnustus - Ja meni ylös taivasiin ja istuu Isän oikealla kädellä.

φ1955-6: Uskontunnustus - Ja meni ylös taivasiin ja istuu Isän oikealla puolella.

φ2011-6: Uskontunnustus - astui ylös taivasiin, istuu Isän oikealla puolella,

Korpuksemme ensimmäisessä suomennoksessa ilmaus ”*Isän oikealla kädellä*” esiintyy miltei suorana käännöksenä, tässä muodossa se on tyypillinen myös Raamatun vanhoille suomennoksille. Kuitenkin jo toisessa suomennoksessa (1955) ilmaus on korjattu nykysuomen kielivaatimusten mukaan.

5.4. Vanhan sanaston muokkaukset

Edellä mainittiin, että arkaismit jaetaan historismeihin ja varsinaisiin arkaismeihin. Kyseisen työn tekstikorpus ei sisältänyt ensimmäiseen ryhmään kuuluvia sanoja (liturginen kontekstihan pysyy vailla muutosta), ja tällöin ne muokkaukset, joita käsitellään myöhemmin, koskevat nimenomaan arkaaista sanastoa. Yleisesti ottaen ne ovat luonteeltaan foneettisia, morfologisia tai semanttisia.

5.4.1 Substantiivien muokkaukset

Alussa vertailin käännösekvivalenttien morfologista luonnetta alkutekstiin, venäjännös oli tässä tapauksessa varmistustekstinä. Huomasin, että useimmiten alkutekstin käsitteitä, jotka on esitetty substantiivien muodossa, pyritään luonnollisesti korvaamaan suomen kielen vastineilla, jotka ovat samaa luokkaa, mutta on poikkeuksiakin. Toisaalta vanhahtavilta kuulostavia käsitteitä

myöhemmissä käännöksissä korvataan useamman kerran. Alla olevassa taulukossa on niiden luettelo.

Kirkkoslaavi/venäjä	Suomenkieliset variantit
беззакония	synti/laittomuus (synninteko)
недуги	heikkous/sairaus
живот (жизнь)	henki/ikä/elinaika/elämä
князья	ylimykset/ruhtinaat/maan mahtavat
помышления	aivoitukset/hankkeet
праведник (- ый)	hurskas/vanhurskas/oikeamielinen
сущность	<i>olento</i> /olemus
свет	valkeus/valo
суд	tuomitseminen/syyte

Taulukko 1. Substantiivien muokkaukset

Tehdyissä muokkauksissa on nähtävissä pyrkimys ”**vanhahtavan**” kirkkosanaston korvaamiseen nykykielen vaihtoehtojilla. Tämä tapahtuu esimerkiksi lekseemien *laittomuus*, *henki*, *ylimys*, *aivoitus*, *hurskas* ja *vanhurskas* kohdalla. Kuitenkin venäjännöksessä niiden alkutekstin muoto on säilytetty. On myös muutama esimerkki siitä, kuinka lekseemin vanhentunut **semanttinen merkitys** edesauttoi muokkausta. Tämä tapahtui esimerkiksi lekseemin *olento* kohdalla, jota ei enää käytetä yleiskielessä merkityksessä *olemus*.

5.4.2 Adjektiivien muokkaukset

Yleisesti ottaen adjektiivien kääntämisessä tekstin laatijat pyrkivät säilyttämään lekseemien alkutekstin morfologisen luonteen, kääntäen kirkkoslaavin adjektiivin suomenkielisellä adjektiivilla. Vertailuanalyysin kautta löydettiin muokkaustapauksiakin. Teoreettista pohjaa käyttäen, ne voi, minun näkemykseni mukaan, karkeasti jakaa kolmeen tyyppiin:

- 1) vanhentuneesta semantiikasta johtuvat korjaukset kuten esimerkiksi lekseemien ”*vaivainen*” (köyhä 2011), ”*siveä*” (kärsivällinen 2011), ”*tarpeellinen*” (jokapäiväinen 2011) kohdalla;
- 2) vanhentuneesta sananmuodostuksesta johtuvat korjaukset, kuten esimerkiksi lekseemien ”*näkyväinen*”, ”*totinen*” tai ”*tulevainen*” kohdalla, myöhemmissä suomennoksissa tapahtuu sanojen päätteen reduktio lyhempään muotoon eli ”*näkyvä*”, ”*tosi*” ja ”*tuleva*”;
- 3) ”vanhentuneesta” kirkkosanastosta johtuvat korjaukset, kuten ”*armollinen*” (anteeksiantava 2011), ”*laupias*” (armahtava 2011) tai ”*autuas*” (onnellinen 2011).

Tästä johtuen voi päätellä, että käännöskomitean yhtenä selkeänä pyrkimyksenä oli vanhentuneen sanaston korjaustyö sen eri tasoilla.

5.4.3 Adverbien muokkaukset

Alkutekstin, samoin venäjännöksen, selkeä kielellinen piirre on adverbien runsaus. Suomentoksissa tämän asian kohdalla sanatarkka morfologinen vastaavuus ei aina täsmää. Hyvin usein alkutekstin adverbit saavat käännösvariaatiokseen pääasiassa verbimuotoja mutta myös adjektiiveja tai harvoin substantiiveja. Vertailuanalyysin kautta voi saada selville, että tässäkin tapauksessa joitakin vanhan sanaston lekseemejä on ”nykyaikaistettu” ja muokkaukset ovat, mielestäni, luonteeltaan semanttisia.

Samoin joissakin tapauksissa ensimmäisen käännöksen (1910) laatijat pyrkivät käsitteiden ns. *vieraannuttamiseen* kun taas viimeisessä ne ”avataan” nykylukijalle. Tämä nähtävästi johtuu vuoden 1992 uudesta Raamatun käännöksestä. Seuraavaksi esittelen yhden sellaisen tapauksen: se on ”Kolmannen antifonin” (4) tekstiotos.

(3)

цс4: Блажени **алчущии** и **жаждущии** правды, яко тии насытятся.

р4: Блаженны **алчущие** и **жаждущие** правды, ибо они насытятся.

φ1910-4: Autuaat ovat jotka isoovat ja janoovat vanhurskautta, sillä he ravitaan.

φ1955-4: Autuaita ovat ne jotka isoavat ja janoavat vanhurskautta, sillä heidät ravitaan.

φ2011-4: Autuaita ne, joilla on vanhurskauden nälkä ja jano: heidät ravitaan.

Tämän Uuteen Testamenttiin perustuvan tekstin muunnelma, jossa tuttu adverbipari korvataan substantiiveilla, on tässä tapauksessa värikäs esimerkki uuden suomennoksen kotouttamispyrkimyksestä.

5.4.4 Verbien muokkaukset

Verbit ovat vankkana sanaluokkana säilyttäneet selkeän paikkansa suomennoksissa mutta joissakin tapauksissa taas kerran ”vanhahtava” kirkollinen sanasto on saanut tilalleen nykykielen variantteja. Tämä tapahtui esimerkiksi lekseemien *veisata* (*laulaa* 2011), *kohottaa* (*nostaa* 2011) ja *varjella* (*suojella* 2011) kohdalla. Verbien semanttisen merkityksen vaihto on tapahtunut ”*kiittää*” verbin kohdalla, joka on korvattu verbillä ”*ylistää*”.

Tässäkin tapauksessa on otettava huomioon, että korjaukset johtunevat uudesta Raamatun käännöksestä, mutta, mielestäni, tekstin uuden version huomioon ottaminen heijastaa viimeisen käännöskomitean kotouttamispyrkimystä.

5.5 KAI-tyyli

Kuten todettua raamatullisella tyylillä ja näin ollen myös tutkimallani veisujen tyylillä on omalaatuisia piirteitä, joista yksi on niin sanottu ”JA”-tyyli (kreik. KAI-tyyli, ven. ”И”-стиль). Tällä tarkoitetaan tapaa, jolla korostetaan ajatuksen jatkuvuutta asettamalla rinnastuskonjunktio ”ja” lauseen alkuun. Tämän piirteen kielitieteilijät ovat havainneet sekä hepreankielisissä, että kreikankielisissä raamatullisissa teksteissä, joista kyseinen tyyli on siirtynyt kirkkoslaaviin. Venäjänkielisessä tiedekirjallisuudessa puhutaan ns. ”ulkoisesta rinnastuskonjunktioista”. Suomenkielisissä sakraali teksteissä ”ja”-tyyliä käännettiin vailla korjausta.

Kuten tiedetään, Suomen ortodoksisen kirkon suomentajillakaan ei tähän mennessä ole ollut pyrkimystä muokata veisujen tekstiä tämän hyvin perinteisen mutta ”vanhahtavan” tyylipiirteen takia. Tekstien vertailussa selviää, että suomennosten ”ja”-konjunktin esiintyminen tuskin vaihtelee olleenkaan: 57/57/56 esiintymä/teksti. Kuitenkin voi huomata, että erityisesti joissakin teksteissä, joissa ”ja”-tyylin käyttö on yleistä, alkuperäinen lauserakenne on muokattu toisen tyyppiseksi: **yksittäisiä päälauseita** on yhdistetty **rinnasteisiksi päälauseiksi**. Tätä keinoa on käytetty erityisesti korpukseni kuudennessa veisussa eli *Uskontunnustuksessa*, kuten näkyy alla olevasta esimerkistä:

(4)

цсб: Символ Веры - **И** паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Егоже Царствию не будет конца.

рб: Символ Веры - **И** паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Егоже Царствию не будет конца.

φ1910-6: Uskontunnustus - Ja on taas kunniassa tuleva tuomitsemaan eläviä ja kuolleita, jonka valtakunnalle ei loppua tule.

φ1955-6: Uskontunnustus - Ja on taas kunniassa tuleva tuomitsemaan eläviä ja kuolleita ja jonka valtakunnalle ei loppua tule.

φ2011-6: Uskontunnustus - ja on kirkkaudessa tuleva tuomitsemaan eläviä ja kuolleita ja jonka valtakunnalla ei ole loppua.

Kyseisen tekstin kohdalla muutos oli selkeästi havaittavissa. Toisaalta toisessa raamatullisessa tekstissä, nimittäin ”Herran rukouksessa” (9), ”ja”-tyyliä esiintyy edelleen. Näin ollen kyseisen muokkauksen esiintyminen on pikemminkin tapauskohtaista.

5.6 Sakraalisubstantiivien, -objektiivien ja -pronominien oikeinkirjoitus.

Sakraalilekseemien, kuten sakraalierisnimien, -adjektiivien ja –pronominien, oikeinkirjoitusta sekä venäjän että suomen kielessä koskevat jotakuinkin yhtenevät säännöt. Kristillinen traditio on vaikuttanut kielijärjestelmien sääntöihin sillä tavalla, että Jumalan ns. ”arvonimiä”, tai pikemminkin

ominaisuuksia kuvaavat nimet, rinnastetaan itse Jumalaan, ja näin ollen ne kirjoitetaan isolla alkukirjaimella. Näin käy esimerkiksi nimien *Herra* tai *Kaikkivaltias* kohdalla. Tämän lisäksi venäjän kielessä ne ”arvonimet”, jotka liitetään Neitsyt Mariaan eli Jumalansynnyttäjään myös kirjoitetaan isolla alkukirjaimella, samoin kuin pronominitkin.

Kirkon traditiossa tätä aihetta kuvataan vieläkin laajemmalla tavalla: isolla alkukirjaimella varustetaan sekä sakraalimerkitystä kantavat erisnimet, että adjektiivit. Tämä on ollut ominaista myös suomenkieliselle kirkkotyylille. Tutkimani korpuksen sakraalilekseemien korostamisen mittasuhteet käyvät ilmi seuraavasta taulukosta.

	omanimet	erisnimet	pronominit	adjektiivit
kirkkoslaavi	90	23	39	26
venäjännös	91	23	37	18
suomennos1910	91	8	13	6 (7)?
suomennos1955	88	6	31	6
suomennos2011	84	1	-	6

Taulukko 3. Sakraalilekseemien esiintyvyys alkutekstissä ja käännöksissä.

Kuten näemme, kirkkoslaavilla sekä venäjänkielellä kirjoitetut tekstit ovat merkillisen yhtenevät tässäkin kysymyksessä. Suomennos vuodelta 1910 on monelta osalta alkutekstiä vastaava, tosin joidenkin erisnimien, pronomien ja adjektiivien kohdalla tapahtuu tuntuvaakin reduktiota. Mielenkiintoista, että suomennos vuodelta 1955 toistaa alkutekstin kirjoitustyyliä sakraalipronomien kohdalla poikkeuksellisen tarkasti. Kuitenkin viimeisessä suomennoksessa (2011) tutkimani aspekti on yhtenevä alkutekstin tyylin kanssa vain sakraaliomanimien kohdalla.

6. Johtopäätökset

Suomenkielisten käännösten analyysin kautta näkyy, että kirkkoveisujen perinteisen tyylin reduktiota tapahtuu sanaston tasolla. Tämä koskee ennen kaikkea arkaaista sanastoa, mikä tosin pääosin johtuneen uuden suomenkielisen Raamatun käännöksen jäljentämisestä. Arkaaisten sanojen korvaamista tapahtuu, analyysini mukaan, useimmiten suurimmissa sanaluokissa. Tutkimustulosten mukaan varsinaisessa kirjoitustyyliäkin koettiin kaksi nähtävää muutosta: ne koskivat perinteisen KAI-tyylin sekä sakraalilekseemien korostamisen muokkausta.

Täältä osin uudessa käännöksessä kotouttavan käännöstävän periaatteet näyttävät saavan vankan aseman. Kyseinen tapa oli erityisesti havaittavissa niissä korpuksen teksteissä, joiden pohjana on itse Raamattu. Kuitenkin moni teksti säilytettiin vailla korjauksia. Retranslation theory:n olettamukset tulivat todetuksi vain jossakin määrin tyylin kohdalla, joten lisätutkimuksia tarvitaan.

Yleisesti sanoen on todettava, että tutkimani korpuksen suomennokset ovat kaikista korjauksista huolimatta poikkeuksellisen yhdenvertaisia, erityisesti, kun kyseessä on itse tekstin välittämä sisältö. Kuten nähdään viimeisen käännöskomitean osallistajat ovat tehneet vain välttämättömiä korjauksia, jotka pääosin johtuivat viimeisestä Raamatun käännöksestä. Tyyllillisiä muutoksia on ollut enemmän: vertailussa alkutekstin tyyliin ne tulivat selkeästi näkyviin. Niiden tarpeellisuutta voi asettaa kyseenalaiseksi, sillä poikkeavan tyyliominaisuuden takana on usein jokin vankka merkitys, joka on sidoksissa sakraalitekstin perinteiseen tulkintaan.